

А Д А М
П Ш Е Х Ш Т А

ГУБЕРНАТОР

MATERIA PRIMA

fanzon

Fanzon. Польская фантастика

Адам Пшехшта

Губернатор

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Пшехшта А.

Губернатор / А. Пшехшта — «Эксмо», 2017 — (Fanzon.
Польская фантастика)

ISBN 978-5-04-111846-4

Варшава под немецкой оккупацией, идет Первая мировая война. Отодвинутая далеко на восток русская армия готовится к контрнаступлению, а Рудницкий получает предложение от немцев, от которого он не может отказаться. Избегая вмешательства в политику, алхимик невольно вовлекается в игру, в которой на карту поставлена жизнь и даже больше. Тем временем в анклавах появляются существа, которые носят имена падших ангелов. Дороги Рудницкого и Самарина снова пересекаются, но на этот раз каждый из них сражается под другим флагом.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-111846-4

© Пшехшта А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава I	6
Глава II	24
Глава III	47
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Адам Пшехшта **Губернатор**

Посвящается отцу

Глава I

Звук трамвайного звонка вырвал Рудницкого из задумчивости, он поморщился от вони пота и выпитой водки – похоже, стоящий рядом грузчик утешился после работы самым дешевым базарным самогоном. Невзирая на протесты пассажиров, алхимик протиснулся к дверям. Скоро остановка. За окном проносились облепленные объявлениями столбы, вычурные польско-немецкие вывески, иногда по улице проезжала двуколка, которую тянули сгорбленные от напряжения мужчины. Оккупирующие Варшаву немцы отменили большинство антипольских указов, но одновременно ввели жестокие реквизиции на нужды армии. Их трофеем становились не только кони и скот, но даже медные кастрюли. Что ж, весной одна тысяча девятьсот шестнадцатого года было ясно видно, что все планы быстрого окончания войны – всего лишь миф.

Рудницкий, которого толкнула приземистая, воняющая чолнтом и куглем¹ бабища, налетел на стоящую перед ним женщину. Та гневно зашипела и повернулась с выражением лица, не обещающим ничего хорошего. Виктория...

– Вижу, ты пользуешься случаем и нескромно прижимаешься к невинным барышням, – заметила она с легкой насмешкой.

Рудницкий неуверенно кашлянул. Они не виделись со времен памятной встречи перед королевским замком, и это не потому, что он ее избегал. Виктория пропала, словно сквозь землю провалилась. Правда, специально он ее и не искал, помня о ее связи с Кинжальщиками, а теми лучше было не интересоваться.

– Извиняюсь, – пробормотал он. – Это все толпа. Тем не менее...

– Ну?

– Приятней прижаться к тебе, чем к некоторым попутчикам.

– Я лучше? – задала она провокационный вопрос.

– А как же, и, прежде всего, ты решительно лучше пахнешь.

Его собеседница засмеялась, показывая ровные белые зубки. Вот, казалось бы, еще одна молодая непритязательная девушка, которую хотелось схватить за руку или за коленку. Но Виктория – правая рука лидера Кинжальщиков. Обидишь такую, и повезет, если успеешь написать завещание.

Трамвай остановился на Театральной площади, недалеко от дворца Яблоновских, и Рудницкий продвинулся к выходу, вежливо поклонившись на прощание. К его немалому удивлению, Виктория последовала за ним.

– Как бизнес? – спросила она, беря его под руку.

– Так себе, – с неохотой признался он. – Почему спрашиваешь? Мне кажется, я рассчитался с твоими... друзьями.

– Ох, нет причин для беспокойства, я спрашиваю, поскольку мне интересно.

– Половину отеля заняли немцы, штабные офицеры. Естественно, никто из них не платит.

– А что с аптекой?

– Тоже ничего удивительного: потерял большинство клиентов из-за отсутствия первичной материи. Самые эффективные лекарства требуют, к сожалению, эту составляющую, а сейчас никто не суется в анклав.

– Но ведь нет запрета, – удивилась девушка.

– Ну да, – признался Рудницкий. – Только без охраны идти туда – самоубийство. К сожалению, варшавский генерал-губернатор, Его превосходительство Ганс фон Безелер, решил, что

¹ Чолнт и кугел – традиционные еврейские блюда.

доступ в анклав открыт исключительно для... цитирую: «лицензированных членов гильдии и их помощников в количестве не более трех человек».

– И почему это?

– Боятся, – буркнул алхимик. – Правда, до этого времени еще никто не открыл боевую возможность использования первичной материи в широком масштабе, но в будущем... кто знает? Это могло бы изменить ход войны. Немцы следят за тем, чтобы не нарушать законы, которые соблюдали даже россияне, они не хотят рисковать.

– Ты идешь в управление?

Рудницкий подтвердил каким-то невразумительным бурчанием. Уже год во дворце Яблоновских размещалось немецкое правительство, а недавно он стал и центром городского совета.

– Они должны меня наказать, – объяснил он, видя вопросительный взгляд девушки. – На прошлой неделе я выставил из отеля одного... Кажется, капитана. Один из высших чинов позволил ему воспользоваться своими апартаментами, и говнюк оказался дальним родственником какого-то эрцгерцога или графа. Ну и обвинил меня в саботаже приказов генерал-губернатора.

– И что тебе могут сделать?

– А я знаю? – пожал плечами Рудницкий. – Будет хорошо, если только влепят штраф, ведь могут и отель забрать.

– Шутишь?

– Ни в коем случае! – быстро возразил алхимик.

– Может, все будет не так плохо. Безелер пытается расположить к себе поляков.

– Вроде и так, но сомневаюсь, чтобы он поставил варшавского аптекаря выше немецкого офицера, еще и родственника кого-то из аристократов.

– Что будешь делать, если заберут отель?

– Не знаю. Надеюсь, что до этого не дойдет.

Алхимик полез в карман плаща: выражение лиц солдат, охраняющих вход, ясно говорило, что они не впустят никого без надлежащих документов. Через минуту солдат в чине фельдфебеля показал рукой, что он может пройти.

– Я подожду тебя, – сказала Виктория.

Он поблагодарил ее грустной улыбкой и открыл массивные двери. По двойной лестнице, ведущей вверх, непрерывным потоком тянулись посетители. В основном это были убого одетые гражданские, хотя и военные попадались. Рудницкий поднялся на второй этаж и осмотрелся. Комната пятьдесят семь, референт Шлятсе. Судя по фамилии, немец. Несмотря на различные рассчитанные на получение поддержки жителей Варшавы жесты, было известно, кто тут правит...

Вопреки предположению Рудницкого, который ожидал кого-то типа засушенной книжной моли, Шлятсе оказался молодым, энергичным мужчиной, дружелюбным и с безупречными манерами. К сожалению, это не изменило предписаний письма, которое он ему вручил. «Герр Рудницкий должен в течение недели освободить отель вместе с прислугой, помещение передается в распоряжение военной комендатуры».

– Вы можете обратиться к генерал-губернатору, – посоветовал Шлятсе, говоря на польском с почти незаметным немецким акцентом.

– И что мне это даст? – горько хмыкнул Рудницкий. – Россияне и то меньше крали... – Он резко замолчал, внезапно сообразив, что и кому говорит.

Однако чиновник не выглядел оскорбленным.

– У Его превосходительства связаны руки, – проинформировал он. – Однако ситуация не безнадежна. Офицер, который подал жалобу, использовал ускоренную процедуру вынесения решения, свойственную для таких дел. К тому же он дальний родственник генерала Людендорфа, поэтому...

– Ну конечно, – прервал его алхимик. – Еще один отпрыск аристократа. В такие моменты хочется стать социалистом!

– Какого там аристократа! Людендорф – сын мелкого чиновника из Поможа. Просто сейчас он в милости у Его Величества.

Рудницкий нахмурил брови, встревоженный тоном собеседника. Похоже, что Шлятсе хочет сказать ему что-то вне протокола.

– Что я должен сделать? – спросил он прямо.

– Попросить аудиенцию у генерал-губернатора, – терпеливо повторил немец.

– И что дальше?

– Я уверен, что Его превосходительство подскажет вам решение этой проблемы.

– Разве? Я очень сомневаюсь, что он вообще знает о моем существовании. Личная аудиенция? Ну да! Я слышал, что адъютант эрцгерцога Юзефа Фердинанда ждал две недели, пока Его превосходительство найдет время его принять...

– Адъютант того хлыща и бабника? – с презрением спросил Шлятсе. – Ничего удивительного! Но вас это не касается.

Рудницкий еще раз посмотрел на мужчину. Благодаря науке Анквича он знал, что искать: свободная, ровная осанка, лицо, повернутое к собеседнику, но тело вполоборота, правая рука возле пояса. Шлятсе жестикулировал только левой...

– Если вы референт, то я балерина, – задумчиво заявил алхимик. – Что это за игра?

– Уверю вас, я являюсь кем-то типа референта, хотя не в этом управлении. Игра? Сейчас все игра, а мы – фигуры на шахматной доске...

– Очень глубокомысленно! – иронично процедил алхимик. – А попросе?

– Подайте завтра прошение в канцелярию Его превосходительства. Я гарантирую, что генерал-губернатор примет вас.

Рудницкий кивком ответил на поклон немца и двинулся к выходу. Его не прельщало разговор с Безелером – было слишком очевидно, что оккупанты чего-то хотят от него. Вопрос с отелом в лучшем случае был второстепенным, а в худшем был единственным способом привлечь внимание некоего Олафа Арнольдовича, бывшего великого магистра варшавской гильдии алхимиков и, по словам Анастасии, адепта. Да, ситуация решительно усложнялась...

– Ну что? – спросила Виктория. – Какие новости?

Рудницкий в нескольких предложениях передал ей свой разговор с таинственным референтом.

– *Abteilung drei b*, – без колебаний сказала она.

– То есть? Что это за отдел?

– Военная разведка, – пояснила она. – Тобой заинтересовалась военная разведка кайзера. Удивительно, что только сейчас.

Алхимик стиснул зубы – не принято было ругаться в присутствии дамы. Внезапно дела отеля оказались не столь уж важными.

– И что мне делать?

– Если они хотят с тобой поговорить, ситуация не самая плохая.

– Я не вмешиваюсь в политику!

– Иногда у нас нет выбора, – спокойно заметила Виктория. – Так или иначе, нечего нервничать. Поговоришь с Безелером, а позднее увидимся.

– Увидимся? – переспросил Рудницкий. – И чем таким я привлек твое внимание? Или внимание Кинжальщиков? – тихо добавил он.

– Только мое, – заверила она, глядя ему в глаза. – Если не хочешь меня видеть, просто скажи, и я исчезну. Ну так как?!

Рудницкий первым отвел взгляд, не похоже было, что девушка врала ему, а с другой стороны, до этого времени ничего не указывало, что он был особо привлекательным для противоположного пола. А тут пожалуйста, такое внимание со стороны госпожи Виктории...

– Что ты от меня хочешь? – спросил он прямо. – У меня нет ни денег, ни влияния, ну и, конечно же, я не красив, как герой кино.

– Позволь мне самой судить о твоей внешности. Влияния? Ты себя недооцениваешь. Все уверены, что твой уход с должности великого магистра гильдии уничтожил «Серебряный замок». Ты – легенда, Олаф Арнольдович, – игриво добавила она.

– Понятно, ты хочешь... инвестировать в мое общество до того, как другие дамы сорентируются, какое я сокровище?

– Что-то в этом духе, – признала она с наигранной серьезностью. – Приятно с тобой поговорить, но мне нужно бежать. Может, завтра встретимся? Мы могли бы подумать над требованиями Безелера.

Алхимик согласился: не вызывало сомнений, что генерал-губернатор что-то от него хочет, а девушка не раз и не два доказывала свою полезность. Например, спасла ему жизнь во время атаки на отель. Да уж, с Викторией лучше жить в мире. Ну и нечего скрывать, девушка была очень симпатичной. «Может, это и ошибка, – хмуро подумал Рудницкий, – но я просто мужчина, и вид красивой мордашки поднимает мне настроение. Но если речь идет о Виктории, то не только настроение».

– Конечно, я тебя приглашаю, – сказал он.

* * *

Генерал Ганс-Гартвиг Безелер – среднего роста тучный мужчина с мясистым лицом и задорно закрученными усами – не производил грозного впечатления. Ничем не прикрытая лысина и покрасневшие от усталости глаза придавали ему слегка комичный вид, однако Рудницкий был начеку: бытовало мнение, что генерал-губернатор принадлежит к наиболее компетентным немецким офицерам: именно он взял крепости Антверпен и Модлин, считавшиеся самыми укрепленными в Европе.

Беспокойство алхимика усиливало и поведение Безелера: генерал поздоровался с ним, пожав руку, и вежливо ждал, пока Рудницкий займет место в удобном, обитом кожей кресле. Генерал-губернатор имел репутацию порядочного человека, и немецкие националисты обвиняли его в чрезмерной симпатии к полякам, однако было сомнительно, чтобы в нормальных обстоятельствах он оказал бы подобный прием кому-то, кто стоял значительно ниже в социальной иерархии. Все же данные обстоятельства не были нормальными...

– Герр Рудницкий, – начал без вступления генерал, – меня обязали передать вам просьбу от высокопоставленной особы...

– Я думал, речь пойдет о моем отеле, – нервно перебил его алхимик.

– Поговорим и про отель, – успокоил его Безелер. – Однако это дело более важное. Честно говоря, очень важное.

– Слушаю, Ваше превосходительство.

– Его Величество император Всея Руси Николай II прислал мне письмо с просьбой отправить вас в Петербург. Как следует из письма, это связано с состоянием здоровья наследника престола, цесаревича Алексея. Его Величество пишет, что Алексей уже был вашим пациентом, и тогда вы пообещали консультировать его при малейшей потребности... – Безелер замолчал, ожидая комментариев.

– Да, конечно, – признался Рудницкий. – Я лечил наследника престола и обещал, что в случае ухудшения здоровья буду в распоряжении цесаревича.

– В таком случае я понимаю, что мы не будем дискутировать на тему, поедете ли вы в Петербург, а займемся вопросами «когда» и «как»?

– Конечно, Ваше превосходительство, – пробубнил алхимик.

– Что ж, признаюсь вам, что позволил себе обсудить эту проблему с Генеральным штабом и Его Величеством императором Вильгельмом. Зная, что вы – человек чести, я ни минуты не сомневался, что вы выполните свои обязательства.

Рудницкий кивнул, с трудом удерживаясь от того, чтобы ослабить воротник. Еще вчера он был обычным хозяином отеля, – правда, с проблемами! – зато сегодня стал пешкой в игре по неизвестным правилам.

– Я думал, что империя воюет с Россией, – заметил он неуверенно.

– Воюет, – подтвердил генерал-губернатор. – Но не с детьми. Конечно, во время войны гибнут и гражданские, в том числе и дети, но из-за трагических стечений обстоятельств, а не из-за целенаправленных действий. Вернемся к делу: вы получите специальный документ, позволяющий проезд через прифронтовую территорию. Сразу после пересечения линии фронта вас будет ждать посланник царя, который обеспечит вам охрану на территории России.

– Понятно... – буркнул алхимик.

– Чтобы ускорить все формальности, во время проезда по нашей территории вас будет сопровождать герр Шлятсе.

– Этот лжечиновник?! – непроизвольно вырвалось у Рудницкого на русском.

Как большинство жителей Варшавы, алхимик понимал по-немецки, однако в минуты напряжения он путал одного оккупанта с другим и переходил на русский.

Губы генерал-губернатора дрогнули в сдерживаемой улыбке, очевидно, офицер понял прозвучавшую на чужом языке фразу.

– Герр Шлятсе в каком-то роде является чиновником, – сказал он. – Однако прежде всего он посланник императора, особа с огромными полномочиями. Его присутствие должно дать вам понять, какой вес Его Величество Вильгельм придает вашей миссии. Что же касается самой поездки: вы будете готовы завтра? Специальный поезд будет около полудня.

– Постараюсь.

– Я не совсем понимаю, – нахмурил брови Безелер. – Если дело в отеле...

– Со всем уважением, – прервал его Рудницкий. – Речь идет не об отеле. Я не пытаюсь воспользоваться ситуацией. Это проблемы медицинского характера.

– А именно?

– Мне не хватает первичной материи, – сказал алхимик. – А характер просьбы царя говорит о том, что ситуация серьезная. Я допускаю, что россияне мне ее предоставят, однако если будет нужно немедленное вмешательство... – Он беспомощно развел руками. – Производство лекарств спагирическим методом продлится несколько часов, а может, несколько десятков часов.

– *Ja, natürlich*², – ответил Безелер. – А если бы вы получили эту субстанцию прямо сейчас? Сколько вам нужно?

– Ну я не знаю. Два, может, три лота. В граммах это...

– Не важно, – прервал его генерал-губернатор. – Вы получите все, что нужно, чтобы сделать лекарство для цесаревича. Как только мы закончим разговор, мой адъютант проведет вас на склад. А что касается отеля... Капитан Хоффман не впервые инициирует бессмысленный скандал, именно поэтому его уже два раза переводили в другое подразделение. Как это вы, поляки, говорите... нарыв в заднице?

– Заноза в заднице, – поправил его с каменным лицом Рудницкий.

– Саноса в заднице, – повторил фон Безелер. – Уже лучше?

² *Ja, natürlich* (нем.) – Да, конечно.

- У Вашего превосходительства прекрасное произношение, – похвалил алхимик.
- Я думаю, что у вас был весомый повод выкинуть его из отеля?
- Он постоянно нарушал спокойствие других жильцов. Цыганский оркестр в пять утра – это уже перебор.
- Я тоже так думаю, – заявил генерал. – В таком случае будет достаточно, если я выслушаю других офицеров. Когда вы вернетесь, дело будет рассмотрено, и вы получите назад свой отель. К сожалению, сейчас вы должны покинуть его, поймите, закон есть закон.
- Рудницкий хмуро кивнул.
- А кто будет там распоряжаться в мое отсутствие?
- Капитан Хоффман предложил свою кандидатуру, однако то, что он является участником спора, заставляет меня отклонить ее.
- Я настоятельно рекомендую возложить на него временный надзор за моим отелем, – сказал алхимик. – Магическая защита отеля требует некоторых знаний. Знаний, которых у капитана нет. Поэтому допускаю, что мое отсутствие приведет к определенным... проблемам.
- Насколько большим проблемам? – прямо спросил Безелер. – Помните, там проживают императорские офицеры!
- Ничего необратимого, – заверил Рудницкий.
- Что ж, дам капитану шанс проявить себя. А сейчас извините, работа. Герр Рудницкий...
- Ваше превосходительство... – поклонился алхимик.

* * *

Привезенная из отеля горничная подала чай и выпечку под пристальным взглядом кухарки, после чего присела в реверансе и быстро вышла из салона. Кухарка, крупного телосложения матрона в белом фартуке, одна из немногочисленных россиянок, кто остался в Варшаве, с беспокойством следила за реакцией трапезничающих, пока Рудницкий громко не выразил свое восхищение. Он не притворялся: Татьяна Олеговна Аристова была настоящей мастерицей своего дела – раньше она служила у князя Оболенского.

– Все, как обычно, превосходно! – похвалил алхимик, пробуя увесистый кусок пахнущего ромом торта.

- На здоровье, родимый! – засияла кухарка. – Тогда я пойду.
- И все твои слуги относятся к тебе так фамильярно? – спросила с удивлением Виктория.
- Нет, только Татьяна Олеговна, – сухо ответил Рудницкий. – Но я чувствую себя польщенным, Оболенскому она вообще говорила «душенька».
- Талантливая женщина, – признала девушка, потянувшись за политым шоколадом бисквитом. – Откуда она взялась у тебя? Во время эвакуации Оболенскому был предоставлен специальный поезд. Не думаю, чтобы не хватило места.

– Она вернулась за кухонной утварью, оказалось, забыла ее сложить, а тем временем над городом появились немецкие дирижабли, – пояснила Анастасия. – Ну и поезд уехал. Но нам надо поговорить о более серьезных делах. Ты говорила, что у тебя есть для нас какое-то предложение?

Рудницкий кивнул лакею и подождал, пока тот закроет двери, – определенные разговоры лучше вести без участия посторонних.

- Ну? – обратился он к Виктории.
- Дело в анклав...

Не проявляющий до этого времени интереса к разговору Анквич поднял голову. Мечник долгое время уговаривал алхимика отправиться в анклав, но Рудницкий неизменно отказывался.

- Ну?

– Я могла бы к вам присоединиться, – сказала Виктория. – У нас был бы шанс вернуться невредимыми. Ты не хочешь обновить свои запасы первичной материи? – спросила она, обращаясь к алхимику.

– А тебе зачем нужен анклав? – недоверчиво спросил Рудницкий.

– Библиотеки. Я хотела бы зайти в библиотеку и выйти оттуда живой и невредимой. Я знаю, что вам с Анастасией это удалось...

Анквич энергично закивал.

– Это имеет смысл, – сказал он. – Вы бы с Анастасией занялись магической стороной проблемы, а я и госпожа Виктория сконцентрировались на физической угрозе.

– Понятно. А по возвращении с другой стороны стены нас ждала бы шпана со всего города. Уже почти год у них не было возможности обворовать ни одного алхимика!

– Мои люди тоже будут нас ждать, – сказал мечник. – Ну так что?

Рудницкий тяжело вздохнул: ему не улыбалось путешествие в анклав, но занятие алхимией требовало использования первичной материи. А если, несмотря на обещания Безелера, у него заберут отель? Или доселят еще офицеров? Даже теперешние доходы едва покрывали текущие расходы.

– Кузина?

Никто, кроме Самарина, не знал, кем на самом деле является женщина, выдающая себя за родственницу алхимика, поэтому Рудницкий до сих пор поддерживал на публике выгодную для себя версию.

– Что ж, это интересное предложение, – признала Анастасия. – Ты уверен, Зигмунд, что вы справитесь вдвоем?

«Еще одна загадка», – промелькнуло в голове алхимика. Интересно, когда это Анастасия и Анквич сблизилась настолько, что обращаются друг к другу по именам? Ведь ни один из них не был склонен к фамильярности с окружающими.

– Конечно, я видел госпожу Викторию в действии. Как и господин Рудницкий, – заявил Анквич с легкой насмешкой.

Алхимик нервным жестом отодвинул бокал.

– Черт с вами! – буркнул он. – Но о деталях поговорим, когда я вернусь из Петербурга. Дай Бог, живым, поскольку в последний раз я оттуда едва ноги унес.

– Тебе ничего не угрожает! – заверила его Виктория. – В этой игре ты для обеих сторон слишком ценная фигура, чтобы тобой рисковать.

– Ну конечно! Я даже не знаю, в чем тут дело, поскольку мне трудно поверить во внезапное человеколюбие кайзера.

– И правильно, у немцев в этом деле свой интерес, – признала девушка. – Только это ничего не меняет в твоей ситуации.

– Не люблю, когда кто-то втягивает меня в мутные делишки.

Виктория посмотрела на него с искренним удивлением.

– Ты действительно не знаешь, в чем дело? – спросила она.

– Действительно! Может, просветишь меня?

– Это же очевидно. Немцы хотят заключить сепаратный мир с Россией, чтобы повернуть все силы на запад и решить судьбу войны, – заявила она.

– Но ведь россияне ужасно проигрывают.

– И да, и нет. Они проиграли несколько важных битв и вынуждены были отступить, но отступить, а не бежать. Их армия не разбежалась, и она все еще может создать проблемы. Она плохо вооружена, поскольку россияне были не готовы к войне, но это положение постепенно меняется, к тому же они могут обратиться к союзникам. Ну и огромные человеческие резервы России ставят ее в ранг грозных противников.

– Они правда думают, что царь, растроганный поступком немцев, начнет переговоры о мире? – вмешалась Анастасия с недоверием в голосе.

– Конечно нет! Речь идет о сохранении каналов связи. Определено... ну я не знаю... положительно настроенном. Россия все еще сильна, чтобы серьезно рассматривать вопрос о выходе из войны, однако последующие несчастья могут это изменить. А если немцы еще пообещают отдать завоеванные территории? Кто знает?

– Прекрасно! То есть я должен быть неофициальным послом кайзера? – недовольно буркнул Рудницкий.

– Не преувеличивай, россияне прекрасно знают, что ты не лезешь в политику. Тебе действительно ничего не угрожает, – повторила Виктория. – Ну если только со стороны профессиональной деятельности...

– Не понял.

– Ну если ты не сможешь помочь цесаревичу...

– Если речь идет о гемофилии, то я справлюсь.

– У тебя нет первичной материи, – заметила Анастасия. – Мы могли бы рискнуть...

Рудницкий остановил ее резким жестом.

– Рискнуть?! Втроем или с какими-то нерасторопными «помощниками» в придачу? Это не смешно! Я знаю более приятные способы покончить с жизнью. А насчет первичной материи... эта проблема уже решена. Немцы дали мне три лота.

– Это означает, что их действительно волнует успех твоей миссии, – задумчиво сказала Виктория. – Интересно...

– Не вижу в этом ничего интересного, я должен буду работать всю ночь, поскольку лекарство само себя не приготовит.

– И не забудь взять те новые визитные карточки, – напомнила ему Анастасия.

Алхимик кивнул.

– Что за карточки? – заинтересовалась Виктория.

– Покажи, – сказала Анастасия, поднимаясь из-за стола. – Это стоило нам целой кипы бумаги и месяца экспериментов, но полученный результат производит впечатление.

– Визитная карточка? – удивилась девушка. – Это такая с фамилией и титулами? Не могли заказать в типографии?

– Сама сейчас увидишь, – смущенно буркнул Рудницкий. – С одной стороны – глупость, а с другой – это того стоило...

Анастасия вернулась, неся небольшой металлический поднос, она подошла к Виктории и продемонстрировала прямоугольный кусочек бумаги.

– Тут нет никакого текста.

– Коснись его.

Виктория осторожно коснулась карточки. На визитке появилась подкова с крестом на голубом фоне, а над ним ястреб. Через мгновение герб исчез, а невидимое перо выжгло имя и фамилию алхимика. Наконец, внизу появилось слово АДЕПТ. После чего оно распалось на сотни кружащихся, неизвестных геометрии фигур. Девушка вздрогнула и отвела взгляд.

– Еще минута – и я бы потеряла сознание, – ошарашенно пробормотала она. – Как вы это сделали?

– Ничего чрезвычайного, хватило капли крови Олафа и слова силы. Именно того слова, благодаря которому вся Варшава увидела над королевским замком польский флаг, – пояснила Анастасия.

– А эти странные узоры? Сколько слов ты узнал? Ведь до того как россияне ушли, вы точно не один раз посетили анклав?

Анастасия жестом переадресовала вопрос алхимику.

– Это слишком личное дело, чтобы не сказать интимное, – процедил Рудницкий. – Так что извини, но я не удовлетворю твое любопытство.

– А эти визитки? Зачем тебе что-то такое? Или это тоже тайна?

– Да нет! – заверила Анастасия. – Это не секрет. Во время последнего визита к царскому двору Олаф нажил себе немало врагов. Они посчитали его жуликом, правда, раздражающим, всего лишь провинциальным польским аптекарем. Одним словом, тем, от кого легко избавиться. Эти визитные карточки должны показать, что они ошиблись в своей оценке. Эта ошибка может им дорого стоить...

– А если это увидит кто-то посвященный? Другой адепт? Он не разоблачит этот трюк?

– Трюк? – Анастасия презрительно фыркнула. – Ни один из этих шарлатанов этого не повторит! Другой адепт? Не смейся! Знаешь, сколько сумасшедших пыталось войти в библиотеку? Каждый хочет стать сверхчеловеком.

– Ты имеешь в виду эти мемуары?

– Конечно, я имею в виду книгу Ключева.

Рудницкий кашлянул: история господина Ключева больше года служила пищей для прессы наравне с репортажами с фронта. Во время одной из вылазок в анклав Ключев, обычный московский алхимик, случайно оказался в библиотеке и, что интересно, выжил. Слово силы, что он узнал, позволяло ему воздействовать на психику людей, чем он сразу же и воспользовался, выжимая из столичных банков невероятно большие и ничем не обеспеченные кредиты, а также очаровывая местных красавиц. Идиллию – Ключев жил, как султан, – прервал ревнивый муж одной из соблазненных красавиц, напичкав сердце соперника несколькими граммами свинца. Но тот успел издать мемуары.

Анастасия была права: случай с Ключевым больше, чем что-либо другое, включая дискуссии специалистов на тему значения анклавов, побуждал людей к посещению библиотек. Несмотря на страшные жертвы – большинство смельчаков погибали в процессе познания символов, другие умирали чуть позже, не в состоянии удержаться от познания новых, – недостатка в охотниках не было.

– А я? – тихо спросила Виктория. – Я выживу?

– Никто не приходит в библиотеку со стопроцентной гарантией, – ответил Рудницкий. – Однако мы будем с тобой. Так или иначе, у тебя больше шансов.

Виктория жестом попросила его продолжить этот разговор, однако алхимик покачал головой.

– Снова одно из тех дел, о которых не говорят с посторонними? – спросила она.

– Что-то типа того. А сейчас извини, мне нужно возвращаться к работе.

– В таком случае увидимся, когда вернешься.

– Минуточку! – вмешался Анквич. – А что с отелем? Вы правда отдадите его немцам без битвы?

– Не совсем. Прежде всего, у меня есть обещание Безелера, что, когда вернусь, он уладит это дело...

– Я могу выйти, – сказала Виктория, видя выражение лица алхимика.

– Не нужно, – махнул рукой Рудницкий. – Ты же не побежишь с донесением к Хоффману.

– Спасибо за доверие!

– Не важно. Завтра утром весь персонал должен покинуть отель, – сказал алхимик, обращаясь к Анквичу. – Проследите за этим. А я тем временем прослежу, чтобы немцы пожалели о своем решении.

– И каким это образом? – поднял брови мечник.

– Ну... Я разместил в нескольких местах один символ. Он начнет работать лишь через несколько дней и охватит все здание. В принципе он безвредный, однако может проявиться очень интересный эффект.

– А конкретней?

– Чрезмерная расслабленность, сонливость, нежелание работать, ослабление мышц и даже...

– Каких, к черту, мышц? Вы забыли, что не все люди являются лекарями, – с беспокойством сказала Виктория.

– Это двигательные мышцы и те, что удерживают тело в вертикальном положении. Короче говоря, гости отеля могут ни с того ни с сего споткнуться о собственные ноги, будут пускать слюни или пачкаться, словно маленькие дети.

Губы Анквича дрогнули в сдерживаемой улыбке, но, не выдержав, мужчина расхохотался.

– Мне нравится эта идея! – сказал он. – Эти штабные крысы! «Я выстоял под Верденом, но не справился в отеле «Пристанище», – произнес он со злорадной ухмылкой.

У Анквича было специфическое чувство юмора. Рудницкий беспомощно вздохнул, после чего проводил Викторию к выходу. Самое время заняться приготовлением лекарства для цесаревича. Если оно не подействует, алхимику не поможет ничто, даже замысловатая визитная карточка...

* * *

Алхимик склонился над большой ретортой и сорвал накрывающую ее тряпку. Гомункулус с блаженным выражением лица плавал в красном вине с добавлением эликсира из мандрагоры. Через мгновение он открыл глаза, и нечеловеческие зрачки на несколько тонов темней антрацита уставились на Рудницкого.

– Папа! – воскликнул он садясь. – Папа!

Резкое движение гибрида вызвало опасное колебание сосуда.

– Спокойно! – гневно произнес алхимик.

– Я хороший! – сразу же заявило создание. – Едем? – спросил он с надеждой в голосе.

Неизвестно по каким причинам любое путешествие, а особенно на поезде, возбуждало гибрида. Рудницкий не раз и не два ловил себя на мысли, что гомункулус напоминает ему своим поведением маленького ребенка. Ну, может, за небольшим исключением: этот ребенок убивать любил даже больше, чем путешествовать.

– Уезжаем, – поправил его алхимик.

– Уезжаем?

– Да.

Рудницкий поставил на стол небольшую, покрытую магическими символами бутылку и отвернулся от реторты. По какой-то причине он ненавидел тот момент, когда гомункулус перемещался в меньший сосуд. Процесс был мгновенным и почти незаметным, кроме легкого колебания воздуха, если бы человек моргнул, то и не заметил бы.

В воздухе появился запах озона, и алхимик спрятал бутылку в специальную сумку на поясе. Несмотря на то что все его успокаивали, он сам хотел позаботиться о своей безопасности.

Рудницкий болезненно скривился, услышав звук клаксона: похоже, Шлятсе не отличался терпением. Немец ждал его за рулем новой модели «Мерседеса». В автомобиле были не только удобные сиденья и раскладная крыша, но и электрические фары. Такой автомобиль мог развивать скорость больше ста километров в час, хотя алхимик в это не слишком-то верил. Куча железа двигается быстрее, чем скаковая лошадь? Конь бы посмеялся...

– Вижу, вы не обременены багажом, – заметил немец, оглядывая небольшой чемодан алхимика и сумку с медикаментами. – Вы собрали все необходимые лекарства?

– Конечно, – сухо ответил Рудницкий.

- Тогда можем ехать на вокзал?
- У нас еще есть немного времени, и я хотел бы на минутку заехать в отель.
- Как пожелаете, – пожал плечами Шлятсе.

* * *

Рудницкий огляделся: в холле собрались все жители отеля, включая и немецких офицеров. Ничего удивительного, коль владелец предложил бесплатную выпивку...

– Господа, – начал без вступления Рудницкий, – сегодня мы встречаемся с вами в последний раз. С завтрашнего дня отель временно переходит под управление немецких властей. Поэтому я считаю своим долгом предупредить, что не могу вам гарантировать надлежащего комфорта в мое отсутствие. Посему рекомендую оставить «Пристанище». Как владелец я прошу прощения за эти неудобства и в качестве компенсации освобождаю всех от оплаты, независимо от времени, когда вы тут поселились. Надеюсь иметь удовольствие видеть вас в своем отеле в будущем, – закончил он с легким поклоном.

Как он и надеялся, его речь вызвала беспокойство даже у немецких чиновников.

– Что означает эта странная оговорка насчет комфорта? – процедил сквозь зубы полковник фон Трош.

Солидный мужчина с крестом *Pour le Mérite*³ на мундире и моноклем в глазу выглядел как архетип прусского офицера-аристократа.

– Безопасность такого объекта требует знаний, – холодно объяснил Рудницкий. – Специальных знаний. А из того, что мне известно, на должность временного управляющего будет назначен капитан Хоффман.

Немец скривился, словно съел лимон, да и остальные офицеры явно были не в восторге: об открытой критике не было и речи из-за кастовой солидарности, но все уже успели познакомиться с Хоффманом и знали, что собой представляет питомец Людендорфа.

– Кто-то меня вспоминал?

Капитану Грегору Хоффману было не больше двадцати пяти. Его образ жизни привел к тому, что он напоминал плохого актера, играющего роль немецкого офицера. Впечатление усугубляли незастегнутый мундир, отсутствие каких-либо наград на груди и круглые розовые щечки, лишенные каких-либо шрамов.

Фон Трош смерил его презрительным взглядом, после чего снова обратился к Рудницкому:

– Насколько сильный дискомфорт вы имели в виду?

– Ничего, что угрожало бы вашей жизни или здоровью, – сразу же заверил алхимик. – И не сразу. К сожалению, магическая защита, охраняющая отель, требует постоянной корректировки. – Он беспомощно развел руками.

– А вы не могли бы...

– Мне жаль, я должен уехать в Петербург, – перебил его Рудницкий. – Через час отъезжает мой поезд.

– В Петербург?! Это измена! Арестуйте его именем императора! – завопил Хоффман, нервно теребя кобуру.

Фон Трош схватил его железной хваткой за запястье, заставляя отпустить рукоять пистолета.

– Молчи, засранец, и не перебивай старших! – рявкнул он.

Несколько офицеров незаметно приблизились к скандальному молодому человеку.

³ *Pour le Mérite* (фр. «За заслуги») – военная награда Пруссии до конца Первой мировой войны. Изначально им награждались как за военные, так и за гражданские заслуги. Неофициальное название «Голубой Макс».

Рудницкий рассмеялся помимо воли: окруженный штабными офицерами, Хоффман выглядел как поросенок, неожиданно столкнувшийся со стаей седых, покрытых шрамами и смертельно опасных волков.

– Я сказал что-то забавное? – спросил ласковым тоном полковник.

– Простите, – сказал алхимик, вытирая слезы. – Не вы... Простите, это нервы.

– В таком случае в чем дело?

– Поросенок и волки, – простонал Рудницкий, указывая на Хоффмана.

Какое-то мгновение фон Трош выглядел растерянным, но тут в его глазах появился блеск понимания, и после короткой героической битвы он взорвался неудержимым смехом. Ему вторили остальные офицеры.

– Это недопустимо! Я... требую сатисфакции! – прозвучал писклявый голос Хоффмана.

Рудницкий поднял руку, к его удивлению, смех оборвался мгновенно.

– Если кто-то чувствует себя оскорбленным моим поведением, я уделю ему внимание после возвращения, – заявил алхимик, кидая на стол визитную карточку.

– А удовлетворите наше любопытство, с какой целью вы едете в Петербург?

В голосе фон Троша не было агрессии или настойчивости, и руки полковник держал за спиной, но алхимик вдруг почувствовал, как у него пересохло во рту.

– Думаю, это лучше объяснит мой попутчик, – буркнул он.

Шлятсе подошел к офицеру и подал ему документ с четко видимой печатью черного императорского орла.

– По приказу Его Величества! – коротко сказал он.

На лице фон Троша появилось изумление, полковник еще раз изучил документ, после чего вернул его и с уважением поклонился.

– Я удовлетворил ваше любопытство? – спросил Шлятсе.

– Абсолютно, граф! – ответил офицер. – Желаю вам удачи!

– Некоторым она очень понадобится! – заявил Хоффман, уже взяв себя в руки.

Молодой человек взял визитку алхимика и сжал пальцами, намереваясь смять. Неожиданно он побледнел. Казалось, что его глаза сейчас вылезут из орбит, и он рухнул на пол, как мешок с цементом.

– И как мы можем выиграть войну с такими солдатами? – вздохнул полковник. – Поднимите его! Нужно как-то привести в чувство защитника *Vaterland*⁴, за отелем я видел противопожарный бассейн...

Шлятсе молча показал на часы, поэтому Рудницкий нехотя направился к выходу. Нужно было смириться с мыслью, что отель больше ему не принадлежит. Несмотря на обещания Безелера, он понимал, что вернет отель, только если немцы будут удовлетворены результатами его миссии.

* * *

Колеса поезда стучали в монотонном ритме, и хотя вагон был роскошно обустроен, Рудницкий не мог заснуть или впасть в обычное для путешествий оцепенение. Возможно, это было вызвано звуками солдатской суеты и эхом тихих разговоров: за дверями купе находились офицеры императорской гвардии. Все высокие, вооруженные до зубов, с бросающимся в глаза боевым опытом. По всей видимости, их обязанностью была охрана Олафа Рудницкого. Только от кого его должны были охранять гвардейцы кайзера? Не от россиян, это точно.

Алхимик перевернулся на другой бок, через минуту зажег лампу над кроватью и осторожно потянулся к чемодану. Может, чтение позволит ему отвлечься? В дорогу он взял с собой

⁴ *Vaterland* (нем.) – Отечество.

роман Анджея Струга, что в последнее время рекламировался в варшавских литературных журналах.

– Не можете заснуть? – отозвался Шлятсе.

– Не могу, – признался Рудницкий.

– Ну тогда можем поговорить. Что было на той визитной карточке? Отрава?

– Ну что вы! Ничего такого!

– Но почему Хоффман упал в обморок, словно нервная институтка?

Алхимик попытался рассмотреть лицо собеседника, но Шлятсе держался за границу света. И странно, в его голосе не было осуждения, только холодное любопытство.

– Можете сами проверить, – предложил Рудницкий, доставая визитку.

Шлятсе включил свою лампу и осторожно взял визитку. На его лбу выступил пот, но он отвел взгляд только через минуту.

– Прекрасно! И где были мои мозги! Я должен был сразу же понять, что вы не обычный алхимик. Ведь их в России хватает. О чем говорит этот термин? Что такое адепт? Сколько таких же, как вы?

Вопросы сыпались со скоростью пулеметной очереди, и было заметно, что Шлятсе действительно потрясен.

– Ответ за ответ, – ответил Рудницкий.

– Слушаю?

– Зачем эти меры безопасности, если я в милости у кайзера и царя?

Шлятсе сжал губы, его правая рука исчезла за кругом света, когда мужчина сунул ее под подушку. Алхимик мог поклясться, что агент держит там оружие. Этот нервный жест совершенно не соответствовал мнению, что сложилось у Рудницкого о немцах.

– Ну?

– Все не так просто. Помимо стран, участвующих в конфликте, есть еще много других, мелких игроков.

– Может, обойдемся без шахматных аналогий? – попросил Рудницкий.

– Ведь это так точно описывает ситуацию, – запротестовал Шлятсе. – Все думали, что война продлится в наихудшем варианте несколько месяцев, а прошло уже два года, и победа по-прежнему остается недостижимой ни для одной из сторон. В этой ситуации активизировались разные группы, которые часто оставались на обочине политики и без какой-либо поддержки в обществе. Теперь у них есть аргумент, который умножит их сторонников: немедленное прекращение военных действий. И наконец, они обвиняют в существующей ситуации нынешние правительства и правителей. И эти обвинения находят все больший отклик...

– И не без причин, – заметил Рудницкий.

Немец на этот аргумент махнул рукой.

– Не притворяйтесь ребенком! – буркнул он. – Все дело исключительно во власти. Только, в отличие от нынешних политиков, они не будут заморачиваться принципами морали, права или хотя бы обычной порядочности. Можете мне поверить, это совершенно другой уровень.

– И что в связи с этим?

– Часть из них считают, что достаточно будет подождать, и растущее недовольство, вызванное неопределенностью на фронтах и ухудшением условий жизни, приведет к тому, что люди будут поддерживать тех, кто обещает окончание кровавой авантюры. А они, конечно же, пообещают все, чтобы дорваться до власти. К сожалению, у других есть мнение, что можно ускорить изменения.

– Кровавую авантюру? – повторил удивленно алхимик. – Я думал, что вы как представитель кайзера...

– ...буду менее критичен к тому, что делается? – закончил с иронией Шлятсе. – Я не идиот, герр Рудницкий! И поверьте мне, никто не хочет такого массового истребления. Реальность переросла нас. Обе стороны, – заявил он.

– Ну хорошо, а что с этими «нетерпеливыми»?

– Еще пару лет назад у нас был шанс, но сейчас, со всей этой магией, алхимией и первичной материей...

– То есть вы боитесь нападения?

– Что-то в этом роде, – неохотно ответил немец. – И хватит об этом! Я не имею права давать вам такую информацию.

Рудницкий кивнул и сел удобней на кровати.

– Теперь моя очередь, – напомнил Шлятсе.

– Слушаю.

– Кто такой адепт?

– Это тот, кто узнал магический символ, соответствующий ему звук и может им воспользоваться, – пояснил алхимик.

– Такая информация находится в библиотеках?

– Да.

– Можно узнать несколько символов? То есть узнать и выжить?

– Я слышал про такие случаи, – неохотно признался Рудницкий.

– Сколько вы знаете символов?

– Я вам не скажу.

Шлятсе уставился на алхимика, и Рудницкий понял, что предыдущие вопросы были только прелюдией, возможно, тестом на правдивость. Тот вопрос, на который он хотел получить ответ, прозвучал только что.

– А те существа из анклава? С ними действительно можно договориться? Или контролировать их? Во время российской оккупации в Варшаве произошел такой инцидент...

– И да, и нет. Правда, существуют определенные магические процедуры, но их эффект напоминает попытку удержать тигра, когда на глазах рвется веревка.

– А гомункулы? Действительно ли...

Алхимик прервал немца движением руки.

– Мне кажется, что мы уже квиты, – спокойно сказал он.

Шлятсе стиснул зубы, но через мгновение неохотно кивнул.

– Ладно, – сказал он. – Тем не менее вы же понимаете, что мы будем признательны за вашу помощь? Любым способом. Не только материальным. Также и обеспечением безопасности. Поскольку рано или поздно кому-то придет в голову идея воспользоваться вашими знаниями против вашей воли...

Рудницкий почувствовал, как по позвоночнику ползут мурашки, но сразу же после этого его охватил непреодолимый гнев, перехватывающий дыхание.

– Ничего нового, – процедил он, пытаясь взять себя в руки. – Еще во времена, когда Варшава была оккупирована россиянами, несколько человек хотели заставить меня и даже убить. Только знаете что, господин Шлятсе, или как вас там? Все, кто что-то такое пробовал, поняли, что это очень плохая идея. Но было поздно. Для большинства из них это оказалось последней ошибкой.

Рудницкий боялся, что его голос дрогнет, ведь он разговаривал с представителем кайзера, однако, напротив, в нем слышалась угроза, подкрепленная странным, подавляющим волю тоном. Таким, словно каждая произнесенная фраза несла в себе эхо познанных в библиотеке слов силы.

– Я... Перестаньте. Я понял. Прошу...

Алхимик от удивления заморгал. Шлятсе закрыл лицо трясущимися руками, его кожа стала белой, а на лбу и висках пульсировали синие вены. Нельзя так хорошо притворяться: немец действительно был на грани потери сознания.

– Извините, – буркнул Рудницкий. – Больше не буду. Давайте спать.

Немец послушно выполнил распоряжение, и алхимик погасил свет. Он тоже не очень хорошо себя чувствовал: сердце колотилось в груди, как после бега, шум в ушах почти заглушал грохот поезда. Он заснул сразу же, как только голова коснулась подушки.

* * *

Обмен произошел в Двинске, бывшем Динабурге. Шлятсе попрощался с Рудницким и с видимым облегчением передал его под опеку россиян. Не вызвало сомнений, что немец пришел в себя и вряд ли простит алхимику последний разговор. «Еще один враг, словно других мало было. Ты прирожденный дипломат, Олаф Арнольдович», – невесело подумал алхимик.

Его сопроводили к другому, на первый взгляд менее роскошному поезду. К счастью, почти сразу среди российских солдат он заметил знакомое лицо. Матушкин не изменился, только на погонах офицера появились звездочки подполковника, а усталость в глазах свидетельствовала, что последний год был нелегким.

Они поприветствовали друг друга сердечным рукопожатием, после чего Матушкин проводил его к удобному, хотя и без лишней роскоши, штабному вагону.

– Чем богаты, – пригласил он к накрытому столу.

– Как дела? – спросил алхимик, угощаясь ветчиной.

– Все здоровы, – заверил Матушкин. – Сашка был отозван с фронта и назначен в штаб генерала Алексева. Неделю назад виделся с Батуриным, он уже полковник.

– А как Мария Павловна?

– Насколько мне известно, все в порядке, но, вы же понимаете, это не мой уровень. Я слышал, что княгиня блистает в Петербурге.

– Я вижу, шрам почти исчез.

– Да, благодаря вашим лекарствам, – с благодарностью ответил офицер.

Рудницкий отмахнулся от благодарности и не прокомментировал то, что Матушкин, вспоминая Самарина, использовал его имя, а не титул или звание. Совместная служба сблизала людей, а быстрое продвижение Матушкина – год назад он был еще капитаном – свидетельствовало о том, что он не прозябал в пыли.

– Что с цесаревичем? Зачем меня вызвали?

– Я не знаю деталей, но с ним не очень. Лекарства, что вы оставили, не действуют, что удивительно, поскольку раньше они отлично ликвидировали все последствия гемофилии. Наследника трона постоянно мучают кровоизлияния в мышцы и суставы.

– Как часто?

– Раз-два в неделю.

Рудницкий прикусил губу. Такие приступы случались и раньше, но не с такой частотой, а он оставил цесаревича в добром здравии. На весь тысяча девятьсот пятнадцатый год. У Алексея только один раз было сильное кровотечение. Что-то должно было случиться, но что? И конечно же речь шла не о нерадивости, мальчик был не только любимцем семьи, но и наследником престола. Нестыковка.

– Увидите все на месте, – сказал Матушкин, словно отвечая на мысли алхимика. – Тут мы ничего не придумаем.

– А этот шарлатан, как его там? Распутин? Он же раньше сдерживал атаки у цесаревича?

– Это правда, однако несколько месяцев он может только облегчить его боль. Мальчик сильно мучается, – тихо добавил офицер.

– Но что случилось? – взорвался Рудницкий. – Почти год я получал информацию, что наследнику престола лучше. Царь просил меня прислать еще лекарств, хотя тех, что он получил раньше, хватило бы еще на несколько лет.

– Я без понятия. – Матушкин беспомощно развел руками. – Знаю, что приглашали врачей со всего мира, двое приехали даже из Америки. То есть Соединенных Штатов. И ничего. Ничего не смогли. Ни они, ни всякого рода юродивые. Возможно, вы – последняя надежда монархии, Олаф Арнольдович, – сказал он со смертельной серьезностью в голосе.

– Юродивые? Вы имеете в виду этих сумасшедших?

– Царская семья очень... религиозная. Такие люди и раньше гостили при дворе. К сожалению, так или иначе, молитвы не помогли.

Алхимик силой воли удержался от продолжения этой темы разговора. Матушкин точно бы плохо воспринял критику царя.

– А как ситуация при дворе?

– Без понятия, я не бываю там, слишком высокие пороги.

– Я спрашиваю о настроении всей этой аристократии. Чего мне ожидать? Вы же помните, как они восприняли мой последний визит?

– А, вы об этом...

– Да, ну так что? Я хотел бы знать, мне стоит ходить под стеночкой?

– Мне трудно что-либо вам гарантировать, тем более это не моя сфера, однако из того, что говорил Сашка, следует, что ваша ситуация не наихудшая. Даже самые ярые фанатики подождут результатов лечения, поскольку цесаревич – единственная гарантия целостности монархии. Конечно, они вас не полюбят, даже если вы добьетесь успеха, но воздержатся от враждебных действий. Либералы и часть умеренных будут на вашей стороне, поскольку вы еще раньше унизили Распутина. А это самый ненавистный человек при дворе. Если вы поможете наследнику престола, то станете для них кумиром и не устоите от выражения их благодарности.

– Вы имеете в виду финансовое вознаграждение?

– Ну нет! Скорее табуны молодых и не очень аристократок, которые лично захотят выразить благодарность за лечение цесаревича, – пояснил Матушкин с озорным блеском в глазах. – Я бы это воспринимал как дополнительную мотивацию. В конце концов, деньги – это еще не все...

Рудницкий закатил глаза, но не прокомментировал. Похоже, Матушкин не изменился: его варшавские похождения были легендой.

– Водки? – предложил офицер.

Алхимик ошарашенно заморгал, глядя на заиндеветый графин, который ниоткуда появился на столе.

– Не стоит разговаривать с царем на пьяную голову, – сказал он осторожно.

– До Петербурга пятьсот верст, – проинформировал Матушкин. – Будем там только завтра утром. Ну так что, Олаф Арнольдович? По одной?

Рудницкий махнул рукой в знак одобрения. «Мне нужно что-то от нервов», – подумал он.

* * *

Алхимик вышел в коридор и резко открыл окно. Моросило. Влажный воздух приятно охлаждал лоб, уменьшая боль в висках. К сожалению, решение выпить водки с вернувшимся с фронта офицером было большой ошибкой. К тому же после второго, а может, и третьего графина Рудницкий дал втянуть себя в вихрь тостов, и они пили за заслуженных исторических личностей России и Польши.

Он вернулся в купе и тяжело опустился возле своей сумки с медикаментами. Он не справится, нужно использовать что-то из его средств. Рудницкий задумался, глядя на злорадно поблескивающую ампулу. «Я не могу в таком состоянии обследовать цесаревича».

Дверь скрипнула, и на пороге появился Матушкин с полной кружкой.

– Выпей, – посоветовал он, ставя ее на стол.

Алхимик стиснул зубы от злости: россиянин выглядел отдохнувшим, словно проспал всю ночь. Ну и, похоже, они уже на «ты»...

– Что там? – гаркнул он.

– Хлебный квас. Думаю, он тебе не повредит. Похоже, ты немного переборщил с водкой.

– И кто бы говорил?!

– Я не жалуясь, – заметил офицер. – Хотя у меня есть некоторые сомнения по поводу вчерашних тостов. Никогда не был хорош в истории, но, мне кажется, у вас было не более трех королей по имени Зигмунд. А мы пили за Зигмунда Пятого...

Рудницкий застонал и помассировал виски.

– Я не помню, – пробормотал он.

Он открыл ампулу и проглотил мутную жидкость. На минуту он ощутил тошноту и дрожь.

– Что это? – поинтересовался Матушкин.

– Лекарство от похмелья.

– Шутишь?

– Похоже, что я шучу?

– Эффективное?

– Конечно, только гадкое. Ну и есть побочные эффекты.

– А именно?

– Сутки нельзя будет пить алкоголь. Ни капли.

– Иначе что будет?

– Будешь рыгать дальше, чем видишь, – нетерпеливо бросил Рудницкий. – Часами.

– Неприятно, – согласился россиянин. – Но все же...

– Что?

– У тебя еще есть этот препарат?

Алхимик потянулся к сумке и дал офицеру несколько ампул.

– Держи, – буркнул он. – На здоровье! А сейчас извини, мне надо немного собраться.

– Еще час, – заметил Матушкин. – Я приказал приготовить тебе ванну и погладить одежду. Успеем.

Рудницкий кивнул и с трудом поднялся с дивана. Головная боль немного отпустила, но он все еще ощущал слабость, как после долгой болезни.

– Спасибо, – сказал он. – Горячая ванна должна поставить меня на ноги.

– Только не пытайся сам бриться, – предупредил россиянин. – Это сделает мой ординарец. Раньше, в мирное время, он был парикмахером, – пояснил он. – Наше вам почтение с кисточкой, с пальцем девять, с огурцом пятнадцать, – нараспев произнес он, передразнивая уличных цирюльников.

Алхимик рассмеялся, голова все еще болела, но он отправился в купальный вагон.

* * *

Варшавский вокзал не слишком изменился после последнего приезда Рудницкого, за исключением трамвайной линии, и на перроне вместо хорошо одетых пассажиров были раненые и отдыхающие солдаты. Все-таки война. В прошлом большинство вагонов на линии Варшава – Петербург были предназначены для пассажиров, путешествующих первым классом.

Алхимик нервно огляделся и еще раз проверил табличку с номером перрона. Вроде бы все в порядке, однако нигде не было видно офицера, который должен сопровождать его в Царское Село. А тем временем поезд с Матушкиным и его временный эскорт исчезли в синих далах.

Рудницкий подошел к ближайшей лавочке и поставил на нее багаж, но сам не сел, помня науку Анквича. Намного легче внезапно атаковать сидящего, чем стоящего противника. Только где эта охрана? Неужели россияне проигнорировали угрозу? А может, кто-то специально отозвал эскорт, чтобы ликвидировать «польского аптекаря»?

Он еще раз осмотрел окрестности. Теоретически вокзал был не лучшим местом для нападения: слишком много солдат и патрулей. Но на практике? Кто знает? Наверное, лучше всего сообщить начальнику вокзала или другому начальнику.

Рудницкий кивнул мужчине в одежде железнодорожника, но до того как тот отреагировал, алхимика окружили солдаты со знаками Собственного Его Императорского Величества Конвоя на мундирах. Наконец-то.

– Что вас задержало? – гневно спросил Рудницкий. – Я торчу тут уже десять минут!

– И я рад тебя видеть, – ответил мужчина в генеральском мундире.

Александр Борисович Самарин не выглядел удивленным реакцией алхимика, в его поведении не было раскаяния за опоздание. И все же опоздание Его превосходительства подвергало опасности человека, которого вызвали для лечения наследника престола. Что-то тут не клеилось.

– Сашка! Ты использовал меня как приманку, змей!

– Именно это я себе и позволил, – признался офицер. – К сожалению, этого требует ситуация, – быстро добавил он. – Но, поверь, у меня все было под контролем. Ну что, может, поздороваемся?

Рудницкий протянул руку, однако Самарин проигнорировал этот жест и сжал поляка в медвежьих объятиях.

– Не знаю почему, но мне тебя не хватало, – сказал он. – Как там наша... кухня? Сегодня у меня нет времени, но завтра или послезавтра ты обязательно должен навестить Марию Павловну.

– С Анастасией все хорошо. Что с цесаревичем?

– Расскажу по дороге. А сейчас идем, надо спешить! Автомобиль ждет.

Солдаты Конвоя с небрежным профессионализмом взяли в кольцо алхимика и повели к выходу.

Рудницкий нервно сглотнул и крепче сжал сумку с медикаментами. Решающая партия только начиналась; если он не сможет помочь больному гемофилией мальчику, ситуация может усложниться. Сильно усложниться...

Глава II

Рудницкого поселили недалеко от апартаментов, занимаемых царской семьей, в комнатах, достойных правителя. Все помещения сияли золотом, пол укрывали сказочные цветные ковры из Исфахана, а мебель была уставлена ценными безделушками.

Рудницкий услышал стук, едва успев разложить багаж. Он сразу же узнал пожилого невзрачного мужчину в серой униформе: графа фон Шварца, доверенного царя.

– Его Величество вызывает вас, – сухо проинформировал аристократ.

Алхимик смерил его внимательным взглядом, но не пошевелился.

– Я сказал, что...

– Я слышал, – бесцеремонно прервал его Рудницкий. – Просто жду, пока вы закончите предложение. На случай, если вы забыли, как меня зовут, вот моя визитная карточка.

Фон Шварц машинально глянул на визитку, после чего спрятал ее в карман с заметным отвращением.

– Как пожелаете... Олаф Арнольдович, – процедил он. – Теперь мы можем идти?

– Конечно.

Граф повел его прямо в личный кабинет царя. По дороге они прошли мимо нескольких постов вооруженных до зубов солдат в мундирах элитных войск. Несмотря на то что ситуация в Москве и Петербурге была под контролем – беспорядки закончились два года назад, – охрана царской семьи по-прежнему находилась в состоянии повышенной готовности. Также Рудницкий заметил, что и возле его апартаментов выставили охрану. Возможно, это для защиты Олафа Арнольдовича, но не исключено, что кто-то просто решил не спускать глаз с проблемного гостя. Отношение фон Шварца ясно дало понять, что не все в восторге от его приезда. Только в чем проблема? Рудницкий помнил графа как бесцветного, безгранично преданного царю чиновника. И Самарин говорил, что доверенный царя не принимает участия ни в каких дворцовых интригах. Что-то должно было случиться. Вот только что? А может, местные воспринимают его как очередного шарлатана? Согласно рассказу Матушкина, через дворец прошла целая плеяда «чудотворцев» всех мастей. С другой стороны, Рудницкий уже не раз помогал наследнику престола, о чем при дворе знали все...

Алхимик отбросил эти мысли. Фон Шварц с раздражением отослал очередного охранника, постучал и доложил о Рудницком.

Кабинет царя остался в том же спартанском стиле, какой запомнился Рудницкому с предыдущего визита. Только прибавилось карт, испещренных непонятными для постороннего разноцветными значками. На лице правителя появились морщины, а темные круги под глазами свидетельствовали об усталости. И мундир Преображенского полка, в котором был царь, выглядел великоватым.

– Ваше Величество. – Алхимик поклонился.

– Господин Рудницкий...

Алхимик сел в кресло, на которое ему указали милостивым жестом. Воцарилась неловкая тишина. Согласно протоколу Рудницкий не мог заговорить первым, а по лицу царя было заметно, что он размышляет, как начать разговор.

– Я так понимаю, вы знакомы с ситуацией? – наконец произнес царь, с явным усилием формулируя свою мысль.

– В общих чертах, – осторожно ответил алхимик.

– Мой сын... Алексей...

– Ваше Величество, я могу кое-что предложить?

– Я вас слушаю.

– Я хотел бы оценить состояние Его Императорского Высочества.

– Вы только приехали и, конечно же, устали, – заметил монарх. – К тому же Алексей спит, доктор дал ему опиум. Может, рано утром... – Он замолчал, видя выражение лица собеседника. – Что такое?

– Ваше Величество, я беспокоюсь за цесаревича, – искренне сказал Рудницкий. – Благодарю за заботу, но офицеры Вашего Величества побеспокоились о моем комфорте во время путешествия. К тому же в таких случаях учитывается прежде всего самочувствие пациента, и я не вижу причины откладывать обследование на потом. Уверяю вас, я сделал бы это для любого своего пациента. А если мальчик спит, тем лучше: не почувствует боли, поскольку обследование может быть неприятным.

Правитель покачал головой, на его губах появилась мимолетная улыбка.

– Видно, что вы не являетесь придворным, – заметил он.

– Прошу прощения, если обидел Ваше Величество, – пробубнил Рудницкий.

– Ну что вы! Такая искренность является... ободряющей. Не говоря уже о том, что она редко встречается. Прошу за мной. Еще одно: напоминаю, что мы не используем титулы, обращаясь к детям. Это не нужно.

Рудницкий молча поклонился и последовал за царем. Комната цесаревича находилась рядом, за поворотом коридора. Воздух в помещении был насыщен запахом лекарств и опиума, с едва уловимой вонью окровавленных бинтов. Возле кровати больного сидел высокий лысый мужчина с острой бородкой. Небрежно свисающий стетоскоп выдавал в нем доктора. На небольшом столике, в пределах досягаемости руки медика, стоял телефон.

– Доктор Гуэрини из больницы «Младенец Иисус» в Риме, господин Рудницкий, – быстро представил монарх. – Можете начинать, – добавил он, обращаясь к Рудницкому.

Рудницкий отвернул одеяло и осторожно осмотрел конечности мальчика – цесаревич спал в ночной рубашке. Коленные и локтевые суставы сильно опухли, а видимые в нескольких местах синяки говорили о внутренних кровоизлияниях. Ребенок беспокойно пошевелился, тихо застонав.

– Что вы даете ему? – шепотом спросил алхимик у доктора. – Для обезболивания?

– Опиум, – с обидой ответил доктор. – В небольших дозах, чтобы не привести к зависимости, – добавил он на ломаном русском.

Рудницкий кинул на него разъяренный взгляд и резко выпрямился.

– Простите, мне нужна моя сумка, – заявил он. – Сейчас вернусь.

– Думаю, доктор Гуэрини может послать за ней, уходя, – спокойно, но решительно произнес царь.

Рудницкий присел на край кровати, а итальянец в мгновение ока исчез за дверями.

– Господин Рудницкий, как вы оцениваете состояние моего сына?

Алхимик неуверенно откашлялся: в голосе царя он услышал напряжение и едва заметный страх.

– Если бы речь шла о ком-то другом, я сказал бы, что ситуация серьезная, но не критическая. Однако похоже, что... Алексей не реагирует на лекарства. Так или иначе, ему нужно давать обезболивающее.

– А конкретней?

– Морфий.

– Мой сын – наследник престола! Он не может стать зависимым!

Рудницкий стиснул зубы, воздерживаясь от возражений. Отчитывать императора всея Руси в его собственном дворце не лучшая идея.

– Я постараюсь, чтобы до этого не дошло, – сказал он, делая глубокий вдох. – Однако сейчас наиважнейшим является борьба с болью.

– Доктор Гуэрини заверил меня, что опухоль суставов хоть и неприятна, но не причиняет большого дискомфорта. Да и Алексей нечасто жалуется.

– Ваше Величество действительно в это верит? – холодно спросил Рудницкий. – Посмотрите, пожалуйста, ребенок мучается даже во сне. Мы не говорим о дискомфорте, только о страдании, что почти на пределе человеческой выносливости.

Царь нахмурил брови, раздумывая об услышанном.

– Доктор Гуэрини – врач с мировой известностью, – сказал он через минуту. – Вы сомневаетесь в его компетенции?

– Не в компетенции. Только в его честности и здравом рассудке.

– Я не понимаю...

– Исходя из применяемой медикаментозной терапии, я считаю, что лечение цесаревича правильное, – пояснил Рудницкий, видя вопросительное выражение на лице царя. – Оно как классическое, так и спагирическое, – добавил он, указывая на заставленный лекарствами столик. – Я и сам бы его использовал. Однако... – Он замолчал.

– Однако?

– Отказавшись от морфия, доктор Гуэрини пренебрег состоянием пациента по желанию Вашего Величества. Наверное, ожидая соответствующего вознаграждения...

– Осуждение тех, кто лучше, и выдвижение беспочвенных обвинений не принесут вам моей благосклонности!

Поляк вздрогнул, когда услышал резкий тон царя, но не отвел взгляд. До того как он успел что-либо ответить, раздался стук и в комнату вошел фон Шварц с медицинской сумкой алхимика.

– Мой диагноз подтвердит любой доктор, – заверил Рудницкий.

Царь не ответил, гневно глядя на него.

– Какой госпиталь считается лучшим в Петербурге? – спросил алхимик у фон Шварца.

– Смотря какой... – осторожно ответил граф.

– Речь идет о независимом медицинском заключении.

– Неделю назад в Петербург приехал профессор Бунда, ученик Склифосовского. Сейчас он преподает в Императорской военно-медицинской академии.

– Не могли бы вы позвонить ему? – попросил Рудницкий.

Фон Шварц послушно подошел к телефону, подгоняемый нетерпеливым жестом царя.

– Что я должен ему сказать? – спросил он.

– Речь идет о лечении случаев излияния крови в суставы.

Мужчина соединился с Академией, коротко представился и потребовал к телефону доктора Бунду. Все это было сделано с невозмутимым выражением лица, но быстрые, резкие движения аристократа выдавали его беспокойство. Он старательно скрывал волнение. Только чего мог бояться доверенный царя? Возможно, его беспокоило состояние здоровья наследника престола, пришел к выводу Рудницкий.

Тем временем царь подошел к замершему от удивления аристократу и протянул руку.

– С вами будет говорить государь император, – нервно сказал фон Шварц.

Беседа длилась недолго, царь только спросил об интенсивности болей в случаях гемофилии и способах ее лечения. Его выражение лица свидетельствовало о том, что он был недоволен полученным ответом.

– Вы были правы, господин Рудницкий! – заявил он, с треском опуская трубку. – Я должен извиниться. Профессор Гуэрини...

Хотя царь не закончил предложение, не было сомнений, что акции итальянца упали ниже безопасного уровня.

– Я с самого начала говорил, что этот итальяшка не должен заниматься Алексеем, – вмешался фон Шварц. – У нас мало своих врачей? Преданных отчизне и монархии патриотов? Не нужны нам пришл...

– Хватит! – прервал его монарх. – Забываешься, Рудольф! Возвращайся к своим обязанностям!

Граф молча выполнил распоряжения, но на его лице не было раскаянья.

– Не принимайте его слова на свой счет, мы все сегодня обеспокоены, – оправдал царь подчиненного. – Вернемся к делу, что вы предлагаете?

– Дать морфий и раствор алхимического золота. Я разработал этот рецепт год назад, и до этого времени он хорошо себя проявил. Морфий снимает боль, а золото воздействует на все виды воспалений.

Рудницкий приготовил шприц и вытащил из сумки небольшую шкатулку со стеклянными ампулами. Каждая излучала нежное голубое сияние.

– Этот странный эффект – результат алхимических процедур?

– Не совсем. На каждой ампуле находится символ, что увеличивает эффективность лекарств.

– Это безопасно?

– Абсолютно, – заверил Рудницкий. – Я использовал их на многих серьезно больных пациентах.

– И каким это образом? Насколько я помню, вам не выдали диплом?

– С началом войны качество медицинской помощи в Варшаве значительно ухудшилось, потому алхимикам и даже магам позволили помогать нескольким хосписам и двум-трем больницам. Конечно же, все должны были пройти соответствующую проверку.

– Я правильно понял, что вы имеете в виду благотворительность?

– Что-то в этом духе, – неохотно признал Рудницкий.

Царь сжал губы, когда алхимик вогнал иглу в колено ребенка.

– Когда это подействует?

– Сложно сказать, однако первый эффект должен наступить через полчаса.

– А конкретней?

– Синяки и припухлости должны уменьшиться.

Рудницкий окунул химический карандаш в графин с водой и обрисовал припухлости суставов спящего Алексея и несколько самых больших синяков.

– Это поможет проследить за изменениями, – пояснил он.

Царь почти незаметным кивком выказал одобрение и положил на стол тяжелые карманные часы с золотой цепочкой.

– Полчаса? Что ж, подождем, – сказал он.

Алхимик подвинул себе стул и удобно уселся, стараясь не показывать волнения. «Полчаса – это не так долго, – подумал он. – Особенно если лекарство подействует. Хуже, если нет...»

* * *

Рудницкий натер колено цесаревича коричневой, неприятно пахнувшей мазью и задумчиво покачал головой.

– Что-то не так, – пробурчал он.

– Припухлость спала, – заметил царь.

Он сидел возле кровати больного ребенка, с напряжением следя за действиями алхимика.

– Да, но это результат моего препарата, а этот не хуже. Однако не действует.

– Профессор Гуэрини утверждал, что присланные вами медикаменты оказались неэффективными, потому он заказал новые, – сказал царь, указывая на фарфоровую баночку, украшенную знаком солнечного круга.

– Да, это символ гильдии из Новониколаевска, – сказал Рудницкий.

– Я даже не знаю, говорил ли он правду! – взорвался царь. – Я доверял ему! Если окажется, что ваши лекарства могли помочь Алексею...

– Не могли, – рассеянно ответил алхимик. – Они действительно не действовали. Те, которые Ваше Величество заказали у меня два года назад, – добавил он. – Я проверил. Между тем препараты, что я привез, начинают снимать отеки, несмотря на то что они хуже по качеству.

– Почему хуже?

– Немцы практически лишили нас возможности посещать анклав, поэтому сложно пополнить запасы первичной материи, а без этой субстанции создавать расширенные препараты практически невозможно. Правда, генерал Безелер выделил мне небольшое количество первичной материи, однако из-за спешки я должен был сократить определенные процедуры, и это привело к тому, что медикаменты имеют меньшую силу, чем если бы я потратил больше времени.

– Однако они работают, в отличие от других, в том числе и заказанных профессором Гуэрини.

– Именно. И это меня беспокоит.

– Почему? Возможно, за два года они утратили свежесть? Или емкости, в которых они хранились, пропускали?

– Ни в коем случае! Я проверяю такие вещи очень старательно. Ну и лекарства профессора оказались также неэффективными. Сложно предположить, чтобы и они высохли или были плохо упакованы.

– И к каким выводам вы пришли?

Рудницкий беспомощно развел руками.

– Даже не знаю, что об этом думать, – признал он. – Однако я рекомендовал бы Вашему Величеству внести некоторые изменения, если речь идет о заботе о цесаревиче.

– Все, что вы скажете. Впервые за несколько месяцев я вижу улучшение в состоянии Алексея. Даже температура спала, – сказал царь, нежно касаясь лба мальчика. – А синьором Гуэрини я займусь лично, – со злостью пообещал он.

– Я не об этом говорил.

– Тогда в чем дело?

– По-моему мнению, профессор сделал все, что мог, чтобы вылечить сына Вашего Величества. Да, он совершил ошибку, но я уверен, что это больше не повторится. Однако я бы советовал, чтобы в комнате наследника престола всегда кто-то был. Помимо медицинского персонала, – заявил Рудницкий, стараясь сдерживать дрожь в голосе. – Лучше кто-то из офицеров Конвоя. День и ночь...

На лице царя не дрогнул ни один мускул, но то, что появилось в его глазах, было больше, чем гнев.

– Вы считаете, это саботаж?

– Я надеюсь, что нет и все это имеет естественное объяснение. Однако дополнительные меры предосторожности не помешают. Самое важное – здоровье цесаревича.

– Я не верю! Это какой-то абсурд!

– Только дополнительная страховка...

– И как вы себе это представляете? Кому я мог бы доверить жизнь сына, коль вы сомневаетесь в преданности людей из моего ближайшего окружения?! Конвою? Это сотни солдат, среди которых я лично знаю лишь горстку.

– Ваше Величество, я думаю, не сомневается в преданности генерала Самарина?

– Я должен обидеть людей, которые без колебания отдали бы за меня свою жизнь, из-за сомнений польского алхимика?!

– Решение за вами, Ваше Величество, я только выразил свое мнение.

Казалось, что царь снова уступит злости, однако он огромным усилием воли взял себя в руки, концентрируя внимание на поляке. Ощущение было не из приятных: в глазах монарха не было и капли тепла. Тишина душила и тяготила, Рудницкому показалось, что в комнате не хватает воздуха. Наконец царь пошевелился и устало потер виски.

– Благодарю вас, – заявил он сухим, официальным тоном. – Если вы захотите покинуть дворец, прошу предупредить графа фон Шварца.

«Кажется, кому-то только что указали свое место, – цинично подумал Рудницкий. – Самое время навестить Марию Павловну, поскольку еще немного – и меня посадят под домашний арест. Ну и надо предупредить Сашку – кто знает, не навредит ли ему рекомендация «польского алхимика»...

* * *

Рудницкий вышел из кареты и заплатил кучеру. Возможно, в Петербурге провели какие-то аресты, но на первый взгляд это было незаметно. По улицам, как и раньше, кружили экипажи, бежали электрические трамваи, иногда проезжал автомобиль. Только люди вели себя менее свободно, чем раньше. Зато стало больше трактиров, кабаков и ночных клубов. Ничего странного: война. Жители столицы жаждали развлечений и забвения.

Резиденция княгини Самариной находилась на Невском проспекте, недалеко от Аничкова моста. Дворец в стиле необарокко был украшен фигурами бородатых атлантов, а окна на первом этаже защищены мощными решетками, выкованными в виде фантастических узоров. Здание выделялось среди других даже на главной улице города, населенной элитой.

У входа его приветствовал пожилой лакей, которого он знал еще по Варшаве. Слуга сразу же проводил его к княгине. Похоже, Мария Павловна отдала соответствующие инструкции на случай его появления в Петербурге.

– Олаф Арнольдович, – представил его слуга, открыв двери в салон.

Алхимик с облегчением заметил, что пожилая княгиня находилась в хорошей форме: ее быстрые движения и естественный румянец на лице свидетельствовали, что она в полном порядке. Тут присутствовали еще две молодые, элегантно одетые дамы и – как же иначе – граф Самарин.

– Тетушка, – церемониально склонился Рудницкий. – Дамы, господин граф.

– Олаф, ты негодник! Я не видела тебя почти год!

Княгиня сорвалась с кресла и подбежала, чтобы обнять его. Генерал Самарин был менее эмоциональным и ограничился только пожатием руки и приятельским похлопыванием по плечу.

– Надя Трубецкая и Люда фон Крис, Олаф Арнольдович Рудницкий, – быстро представила хозяйка дома.

До того как они заняли свои места, служанка подала свежее испеченное, еще теплое печенье и поставила еще одну кружку.

– Сейчас сложно найти хороших слуг, но в доме Марии Павловны все, как всегда, на высшем уровне, – заметила Надя Трубецкая.

Княгиня отклонила комплимент небрежным жестом, после чего налила алхимику чай.

– Рассказывай! – потребовала она, обращаясь к Рудницкому. – Как у тебя дела? Надолго приехал? Ты, конечно же, должен остановиться у меня!

– К сожалению, я уже поселился в Царском Селе. Вы же понимаете, тетя, что лучше, чтобы я находился поближе к наследнику престола, по крайней мере пока ему не станет легче.

– Вы доктор? – заинтересованно спросила Трубецкая.

Стройная шатенка с нежными, классическими чертами лица и бездонными темными глазами контрастировала со своей светловолосой подругой. Барышня фон Крис напоминала валь-

кирию: волосы в оттенках приглушенного золота с примесью меди, зеленые глаза и гибкая, с округлыми женскими прелестями фигура, притягивающая мужские взгляды не меньше, чем Трубецкая. Судя по фамильярному представлению обеих барышень – княгиня использовала неполные имена – и перепуганному лицу Самарина, Мария Павловна не без причины пригласила к себе этих красавиц...

Рудницкий закусил губу, чтобы не рассмеяться.

– В определенном смысле, – ответил он. – Прежде всего, я занимаюсь алхимией.

– Как твой отель? – спросила княгиня.

– Не лучшим образом, – признался Рудницкий. – Половину заняли немцы, к тому же я поспорил с одной особой со связями... Но все будет хорошо, – быстро добавил он.

– Рассказывай!

– Но, тетушка, правда ничего важного. И ничего интересного.

– Олаф Арнольдович!

– Не знаю, как другие, но я охотно послушаю, в какие передраги впутался на этот раз великий магистр варшавской гильдии, – неожиданно вмешалась Людмила фон Крис.

Алхимик едва не захлебнулся чаем: в голосе барышни фон Крис звучал неподдельный интерес.

– Я сразу же вас узнала, – пояснила девушка. – После поединка с монсеньором Потуриным газеты разместили ваш портрет.

– А, так это вы вылечили цесаревича и спасли Москву и Петербург! – внезапно выкрикнула Трубецкая.

– Это грубое преувеличение, – запротестовал Рудницкий. – Я только...

– Без преувеличений, – перебил его Самарин. – Олаф слишком скромн.

На губах генерала появилась язвительная ухмылка, похоже, офицер понял, что может перевести внимание барышень в сторону алхимика.

– Мы ждем! – подгоняла его Мария Павловна.

Рудницкий вздохнул и представил сильно урезанную версию случившегося.

– Те символы, что там остались, – задумчиво отозвался Самарин, – как ты думаешь, они могут иметь боевое применение?

– Сомневаюсь. Скорее медицинское.

– Медицинское?

– Больные часто неосознанно напрягают мышцы, что усложняет кровообращение. Такое расслабление могло бы им помочь. Побочные эффекты, о которых я говорил, проявляются исключительно при долговременном воздействии символов или звуков.

– Думаешь, ты вернешь отель? – заботливо спросила княгиня.

– Конечно. У меня есть обещание генерала Безелера.

Дальнейший разговор прервала Трубецкая, демонстративно посмотрев на настенные часы.

– Мне нужно возвращаться домой, – заявила она. – Иначе маман будет беспокоиться.

Девушка сердечно обняла Марию Павловну, после чего с явной неохотой направилась к выходу. Подгоняемый грозной гримасой княгини, Самарин сорвался с места.

– Я отвезу вас, – сказал он, хотя и без явного энтузиазма.

– И я должна уходить, – сказала с улыбкой Люда фон Крис. – Моя карета, наверное, уже ждет.

К удивлению алхимика, Мария Павловна требовательным жестом приказала ему заняться второй барышней.

– Вернешься на моей, она удобней, – заявила княгиня не терпящим возражений тоном. – Мой внук составит тебе компанию.

Лишь через минуту Рудницкий понял, что речь о нем.

– Конечно, с удовольствием, – заявил он, слишком ошеломленный, чтобы протестовать.

То, как назвала его княгиня, имело далекоидущие последствия, и не только для него. Алхимик допускал, что Самарин не будет в восторге от заявления своей двоюродной бабки. Одно – это неформальное упоминание о далеком родстве, часто аристократы сами не ориентировались в родственных связях, и совсем другое – публичное заявление, подтверждающее кровные узы с «польским алхимиком». Нужно будет это прояснить, решил Рудницкий. В данную минуту у него были другие проблемы: барышня Людмила оперлась на его руку, демонстрируя глубокое декольте, а аромат парфюма и источающее тепло девичье тело не способствовали серьезным размышлениям.

Роскошная, но предназначенная исключительно для двоих карета княгини заставила их занять места рядом друг с другом, что смущало алхимика, но, как оказалось, в наименьшей мере волновало барышню фон Крис. Девушка назвала кучеру адрес, после чего в легкой, шутиливой манере начала рассказывать о себе и своей семье. Рудницкий старался следить за ходом ее рассказа, постоянно отвлекаясь на какой-нибудь жест или случайное касание прекрасной попутчицы. Алхимик не считался знатоком женщин, однако было очевидно, что по каким-то причинам барышня Людмила решила ему доказать, что не только умна, но и одарена другими достоинствами... Только почему? Рудницкий сомневался, что причиной было упоминание о его родстве – пусть и неблизком! – со старой княгиней. Людмила фон Крис явно принадлежала к сливкам общества Петербурга, иначе не попала бы в дом к известной своим снобизмом даже при царском дворе Марии Павловны, а аристократия не водилась бы с обычным, хотя и искусным в своем ремесле алхимиком. «И эту загадку нужно разгадать, – подумал Рудницкий. – Позже...»

* * *

Алхимик откупорил очередную бутылочку из темного стекла, набрал на палец коричневой мази и намазал запястье. Очередная неудача, нулевой эффект. Он не ощутил на коже никакого холода или покалывания, даже характерного запаха – мазь была неэффективной.

– Я, конечно, не проверял все бутылочки, – оправдывался Гуэрини. – Их же целая сотня! Но я не нашел ни одной с активным препаратом. Поэтому заказал лекарства в той гильдии... как ее там?

– «Солнечный свет», – подсказал Рудницкий.

Название Новониколаевской гильдии связано с загадочным алхимическим трактатом шестнадцатого века под названием *Splendor Solis*.

– А, точно! «Солнечный свет». Мне рекомендовали их как заслуживающих доверия, а через неделю после того как я получил заказанные препараты, все спагирические медикаменты перестали действовать!

– Вы держали их в этом месте?

Итальянец кивнул.

– Помещение закрывается на ключ и находится в том самом крыле, что и царские апартаменты, – пояснил он. – Сюда имеют доступ только доверенные лица императора.

– Не считая слуг и охраны, – мрачно сказал Рудницкий.

– Это уже не в моей компетенции. И не в вашей, *dottore*, – заметил Гуэрини. – Я безмерно вам благодарен за то, что вы вступились за меня перед Его Величеством, однако считаю, что вы не правы. Саботаж? Исключено! Вот посмотрите, все средства безопасности в идеальном состоянии.

Алхимик подтвердил это нечленораздельным мычанием. Каждая из сотни стеклянных емкостей была запечатана и защищена символом гильдии или алхимика, который создал лекарство. Даже если бы гипотетический злодей смог справиться с печатями, это заняло бы много

часов. К тому же это помещение днем и ночью охраняли солдаты царской гвардии. Да и лекарства не были отравлены: тесты не выявили присутствия никаких посторонних субстанций. Медикаменты просто не работали.

– Безумие! – вздохнул Рудницкий. – У вас есть какая-нибудь гипотеза, профессор?

– К сожалению, нет. Почти все лекарства – это спагирические препараты, я не специалист в этом, – признался Гуэрини, пожав плечами. – Если бы речь шла об обычных лекарствах, я бы подумал, что они испортились. Хотя, может, и тут...

– Исключено! – оборвал его Рудницкий. – Для изготовления большинства из них использовалась первичная материя, а это гарантия почти вечного хранения. Они не могли испортиться через год или два. Это невозможно! К тому же, как вы сами заметили, некоторые утратили эффективность уже через неделю.

– В этом действительно есть что-то странное, – согласился с ним итальянец. – Если бы еще один или два препарата, ну пусть десять от конкретного поставщика, но десятки или сотни, изготовленные разными алхимиками? К тому же большинство неактивных препаратов вашего производства. Но привезенные вами лекарства действуют. И только они...

Рудницкий окинул собеседника пристальным взглядом, но непохоже было, что Гуэрини хотел его в чем-то обвинить, доктор просто размышлял вслух.

– Но и те лекарства, что я заказал, сначала помогали цесаревичу, – продолжал размышлять итальянец. – Только позднее их эффективность начала уменьшаться.

– Постепенно или со дня на день? – быстро спросил алхимик.

– Кажется, постепенно, – задумчиво ответил Гуэрини. – Через два-три дня здоровье наследника престола улучшалось на глазах, потом становилось хуже, и, наконец, медикаменты переставали действовать. И так по кругу, когда я покупал новые.

– Вы точно все лекарства держали в этом помещении? – повторил Рудницкий.

– Точно. Часть находилась в комнате больного, чтобы были под рукой.

– И они тоже переставали работать?

– К сожалению. Ну как? Мы закончили инвентаризацию? Если бы вы сказали, что искать, то пошло бы быстрее, – предложил Гуэрини.

– Достаточно нанести каплю препарата на кожу. Мазь действует как обезболивающая и сужающая сосуды, потому она должна вызывать легкое онемение и ощущение холода, – пояснил Рудницкий.

Итальянец закатал рукав и нанес мазь на внутреннюю часть предплечья.

– Я ничего не чувствую, – сказал он. – В этом месте кожа чувствительней, чем на запястье, – пояснил он, видя вопросительный взгляд алхимика.

– Я не думаю, что мы найдем хотя бы один хороший препарат, но должны проверить все, – устало ответил Рудницкий. – Я обещал это Его Величеству.

Итальянец ответил полным покорности жестом. Они молча продолжили работу. Звенело стекло, а на полу росла куча небрежно брошенных ампул и бутылочек. Во всех была только неэффективная мазь в разных оттенках зеленого и коричневого.

* * *

Струя горячей воды смывала с него усталость – инвентаризация заняла почти четыре часа – вместе с засохшими остатками мазей и эликсиров. Алхимик прикрыл глаза и позволил себе минуту релакса. Наконец он неохотно закрутил богато декорированные краны. Комнату заполнили клубы пара, поэтому Рудницкий на ощупь потянулся за полотенцем. Неожиданно в ванную комнату хлынула волна холодного воздуха, и в дверях появился Самарин.

– Что опять?! – рявкнул алхимик. – Можешь дать мне спокойно помыться?

Самарин молча кинул ему халат, после чего отправился в салон. Рудницкий нехотя последовал за ним.

– Что ты тут делаешь? – спросил он. – В этом крыле живет только царская семья.

– И как я вижу, некоторые алхимики, – буркнул Самарин. – Я – офицер Конвоя, – грубо напомнил он. – И Его Величество приказал мне усилить охрану дворца, а за указаниями обратиться к тебе. Так что я внимательно слушаю, Олаф Арнольдovich, какие замечания у вас есть к работе моих людей?

В голосе генерала слышался холодный, неприятный тон.

– Ох, перестань дуться, речь не о твоих людях!

– В таком случае о чем?

Рудницкий кратко описал ему ситуацию и результаты, к которым пришел.

– Ты правда думаешь, что это саботаж?

– Это самая правдоподобная версия, – осторожно ответил алхимик. – Не вижу другого объяснения, поскольку в свое время я уже лечил цесаревича этими самыми препаратами, и Гуэрини явно не лыком шит.

– Ты уверен, что ваши медикаменты не утратили своих лечебных свойств естественным способом?

Рудницкий окинул приятеля неодобрительным взглядом и покачал головой.

– Это невозможно! – коротко сказал он. – Первичная материя вечна. Это что-то, что существует донныне с начала Сотворения мира. Как ты думаешь, почему живущие в анклав создания бессмертны? Подсказка для не особо умных российских генералов: их тела тоже содержат первичную материю! Говоря еще проще, если добавить в суп щепотку первичной материи, он будет сохраняться вечно. Эти препараты не могли испортиться!

– Ну хорошо, предположим на мгновение, что ты прав, – с раздражением сказал Самарин. – За чем мне следить? За комнатами цесаревича? Но туда и так никто не заходит, кроме семьи и докторов. Комната с лекарствами? Принимая во внимание результаты инвентаризации, там уже нечего охранять.

– Прежде всего мои апартаменты, – ответил после минутного молчания Рудницкий. – День и ночь. Никто не может входить сюда без моего позволения. Ни один слуга, солдат, лакей или камердинер! Никто! Поскольку я держу тут медикаменты, которые привез из Варшавы. И они пока работают...

– Ладно. Это имеет смысл. Но комнаты цесаревича? Там и так стоит охрана перед дверями. Зачем беспокоить парня?

Алхимик снова замолчал, потом нервно поправил пояс халата.

– Если я прав, этот саботаж осуществляет кто-то изнутри. Кто-то свой...

– Скажем так, – скривился Самарин. – Слуг тщательно проверяют, но теоретически все возможно. Только как это связано с охраной комнаты цесаревича?

– Еще не понимаешь? Мои лекарства ему помогают. За несколько дней мальчик встанет на ноги. Если кто-то хочет навредить наследнику престола и заметит, что он выздоравливает, он может отчаяться и... – Рудницкий непроизвольно повысил голос.

Самарин вскочил с кресла.

– Невозможно! – закричал он возмущенно. – Никто бы не отважился, – добавил он менее решительным тоном.

– Хочешь рискнуть? И чем это навредит? Кто-то посидит возле кровати цесаревича, и только. Из того, что я слышал, ребенок – не проблемный пациент.

Россиянин опустил взгляд, словно внезапно заинтересовался рисунками на ковре.

– Ты не понимаешь, – буркнул он. – Это политика.

– И что тут понимать?

– Сама мысль, что кто-то мог специально навредить наследнику престола, – это почти предательство. Кроме того, это касается близкого окружения царя. Невероятно!

– Я говорил с царем, – прервал его Рудницкий. – И он послал за тобой. Скорее всего, на него произвели впечатление мои аргументы.

– Ты понимаешь, что немилость – это наименьшее, что тебя ожидает, если окажется, что не было никакого заговора?

– И что я должен делать?! – рявкнул алхимик со злостью. – Притворяться, что ничего не происходит, как тот итальяшка? А милость императора мне ни к чему. У меня нет никаких дел в России.

– В самом деле? – язвительно спросил офицер. – А завещание Марии Павловны? Опала не позволит тебе получить наследство.

– Какое, к черту, наследство?!

– Такое, которое внезапно и неожиданно переписала на тебя двоюродная бабка. И не без причины, как я думаю. Наверное, за последний год ты узнал несколько слов силы? Полезных несколько слов силы? – холодно спросил Самарин.

Рудницкий замер, удивленный его обвинением, а после кинулся вперед и ударил россиянина по лицу. Это был сильный удар, увеличенный массой тела, которого не постыдился бы профессиональный боксер. Генерал рухнул на пол, переворачиваясь вместе с креслом. Не теряя ни секунды, офицер сделал переворот через спину и за мгновение стоял уже готовый к бою.

– Скажешь еще раз что-то такое, и я тебя убью, сукин ты сын! – процедил алхимик. – Я не просился в семью Самариных и не собираюсь принимать никакое наследство! Я и так в долгу у Марии Павловны. И этот долг она не позволяет мне вернуть!

– У меня зуб шатается. Если я его потеряю, я тебе подправлю челюсть, паршивец, – хмуро сказал Самарин. – У тебя тут есть что выпить?

Рудницкий подошел к бару, вытащил бутылку водки и разлил алкоголь трясущимися руками. Генерал гневно смотрел на него, но уже без вражды.

– Можешь объяснить, что происходит? Вчера вечером Мария Павловна заявила мне, что включила тебя в свое завещание как одного из двух главных бенефициантов.

– То есть кроме тебя?

– Да, я ее единственный живой родственник. Не считая пары особ из провинции, но это десятая вода на киселе. Пойми, мне плевать на деньги, я не хочу, чтобы... – Он замолчал, не закончив фразу.

– Не хочешь, чтобы ее использовал какой-то польский алхимик, – язвительно произнес Рудницкий.

– Естественно! Это какая-то ерунда! Еще в Варшаве она относилась к тебе как к любимому внуку. А сейчас это...

– Ревнуешь?

– Нет, идиот! Подозреваю!

– Она тебе ничего не рассказала, правда? И Иосиф Андреевич тоже?

– О чем?

– Ты прав, Мария Павловна воспринимает меня как родственника, только не как внука, а как сына.

– Ты имеешь в виду ее возраст? Естественно, она младшая в семье и едва на десять лет старше моей матери. Бывает так. И я мог бы быть ее сыном, и что с того?

– Ты не понимаешь, она знала моего отца. Из рассказа Иосифа Андреевича следует, что они оба боролись за ее благосклонность, только отцу не повезло...

Самарин замер, вытаращившись на алхимика, словно впервые видел его.

– Твой отец?

– Они встретились в шестьдесят третьем. Спасли ее. Вместе с Иосифом Андреевичем.

– Значит, Иосиф Андреевич...

– Да, он тоже участвовал в восстании.

Ошарашенный генерал даже не пытался протестовать против определения событий тысяча восемьсот шестьдесят третьего года как «восстание».

– Как она тебя узнала?

– По-видимому, я сильно похож на отца. – Рудницкий пожал плечами. – Теперь понимаешь? Естественно, я не возьму от нее никаких денег, можешь быть спокойным за свое наследство.

– Ох, заткнись!

Самарин спрятал лицо в ладонях, вскочил и побежал в ванную. Через время он вернулся с мокрой головой и забрызганным мундиром.

– Я не буду извиняться! – сказал он со злостью. – Это ваша вина, чертовы конспираторы! И тетка тоже хороша. Она неплохо повеселилась, старая лиса!

Рудницкий замаскировал смех, прикрываясь припадком кашля.

– Теперь все понятно...

– Что именно? – нахмурил брови алхимик.

– Помнишь тех барышень, которых ты встретил у тети?

Рудницкий ответил нечленораздельным бурчанием.

– Надя Трубецкая – самая большая сплетница в Петербурге. Наверняка уже все общество знает, что Мария Павловна считает тебя внуком.

– Это та девушка, с которой ты ушел?

– Ага. И представь, тетушка хочет мне ее сосватать, – добавил с неприязнью офицер.

– Теперь я кое-чего не понимаю, – сказал Рудницкий. – Относительно тебя все понятно, ты аристократ и барышня Трубецкая подходит тебе, как перчатка, сшитая на заказ, но я...

– Большое спасибо! – прервал его Самарин. – Что ты?

– Как бы богат я ни был, у меня нет никакого титула. А барышня Люда не похожа на такую, кто вышел бы за аптекаря.

– И к чему ты это?

– Когда мы возвращались, потому что Мария Павловна посоветовала мне проводить ее домой, барышня фон Крис вела себя... очень свободно. Могу сказать, что она флиртовала со мной.

– Ты занимаешься алхимией, и это не препятствие, в последнее время этим занимаются даже коронованные особы. Но что касается титула, ты прав, семья фон Крис никогда не примет мелкого шляхтича. Знаешь, они очень богатые. Железнодорожные пути, какие-то шахты, помещичьи усадьбы. Возможно, ты просто понравился ей и она хочет завязать с тобой роман? Эта одна из красавиц Петербурга, и хотя очень загадочная, ходят слухи, что у нее было несколько приключений...

– В таком возрасте? Сколько ей?

– Ровно тридцать, недавно был ее день рождения.

– Я дал бы не больше двадцати.

– Она действительно выглядит как институтка, – признал Самарин. – Может, поменяемся? – предложил он. – В следующий раз ты проводишь домой Надю?

– Ну, поразмыслив, я решил, что барышня фон Крис нравится мне больше, чем твоя худая княжна, – процедил Рудницкий.

Офицер пригрозил ему кулаком и потянулся за водкой, прополоскал рот алкоголем и скривился.

– Болит, черт возьми, – возмущался он. – Между прочим, Надя не княжна, а только графиня. По поводу новых слов силы: ты что-то узнал после моего отъезда? Кроме этого «расслабления»?

Алхимик резко посмотрел на Самарина, однако на лице друга была только заинтересованность.

– Только одно, но бесполезное. – Он пожал плечами. – Означает то же, что «смерть» или «умри», хотя я уверен, что в нем скрываются неизвестные мне нюансы. И нет, оно не имеет боевого применения! – добавил он, опережая вопрос генерала.

– Почему? Это же мечта каждого солдата! Теоретически...

Рудницкий ткнул в него пальцем и прошептал несколько слогов. Слово прозвучало зловеще, напоминая бурю вместе с землетрясением.

– Спятил? – вздрогнул Самарин.

– Производит впечатление, правда? К сожалению, это единственный эффект.

Офицер нервным жестом потянулся к стакану и одним глотком опрокинул в себя остатки алкоголя.

– Правда не работает?

– Ну ты же видишь. Конечно, каждое слово можно усилить первичной материей, – добавил алхимик со зловеще ухмылкой.

– И что?

Рудницкий огляделся по комнате и указал на лампу.

– Видишь эту муху?

– Ну вижу. И что ты хочешь сделать?

– Увидишь.

Алхимик вытащил флакон, наполненный черным порошком, высыпал на ладонь щепотку и сдул его в сторону насекомого.

– ДАШ'ДАНХАР!

Муха упала, словно пораженная громом.

– Впечатляюще, правда? Я уничтожил летающий объект, используя столько первичной материи, сколько весила муха, – с иронией прокомментировал Рудницкий. – А теперь подумай, сколько ее нужно, чтобы убить человека? Если это вообще возможно. Поскольку нет сомнений, что с этим словом что-то не так.

До того как Самарин успел ответить, прозвучал стук, и в комнату ввалился Гуэрини.

– Снова началось! – закричал он. – Лекарства не действуют, и у цесаревича произошло излияние!

– Где? – рявкнул Рудницкий.

– Левое колено. Прошу за мной, *dottore!*

Самарин первым оказался в коридоре. Алхимик побежал за итальянцем, на ходу завязывая халат.

– Когда это случилось? – спросил он.

– Недавно. Еще час назад все было в порядке. Я проверял, – заверил Гуэрини.

Наследник российского престола поздоровался с алхимиком дрожащей улыбкой, хотя стиснутые детские кулачки говорили о том, что он борется с болью.

– Почему вы не поставили меня в известность, что Алексей проснулся?! – яростно прошипел Рудницкий.

– Не успел, обследовал пациента, – пробормотал итальянец.

– Его Величество, – доложил дворецкий.

Алхимик стиснул зубы: видимо, признательность, выраженная Гуэрини, не мешает ему приписать себе все заслуги. Если бы не неожиданные осложнения, профессор хвалился бы тем,

как вылечил наследника престола. «Понятное дело, самостоятельно, без помощи «польского аптекаря», – цинично подумал Рудницкий.

– Алексей, как себя чувствуешь?

Царь присел на край кровати и взял сына за руку.

– Хорошо, папа.

– Ему лучше, правда? – сказал монарх, глядя в пространство между алхимиком и Гуэрини.

Рудницкий смиренно вздохнул, итальянец стоял с открытым ртом, словно кролик, загипнотизированный удавом, не проявляя ни малейшего желания удовлетворить любопытство царя.

– В общем, да, – ответил алхимик нейтральным тоном. – И я прошу прощения за мой вид, – сказал он, увидев удивленный взгляд собеседника. – Я...

– Не важно! – прервал его царь. – Что с Алексеем?

Алхимик откинул одеяло. Было так, как и сказал Гуэрини, – левое колено мальчика опухало на глазах.

– Сашка!

– Да?

– Возьми несколько солдат и перенеси цесаревича вместе с кроватью в мои апартаменты, – сказал Рудницкий.

– Ваше Величество? – Самарин вопросительно посмотрел на царя.

Офицер держал руку на кобуре.

– Господин Рудницкий? – нахмурил брови царь.

– Это действительно необходимо, – заверил алхимик. – Гарантирую, что через несколько часов от излияния не останется и следа.

Царь кивнул, и солдаты осторожно вынесли кровать из комнаты.

– Откуда такая мысль? Что случилось?

Алхимик прикусил губу: профессор Гуэрини воспользовался случаем и выскользнул вслед за солдатами, оставляя все объяснения Рудницкому.

– В этом помещении должно быть что-то, что негативно действует на лекарства, а возможно, и на больного. Сложно сказать, что это, но я знаю, с кем могу проконсультироваться. Если я прав, колено цесаревича молниеносно придет в норму.

– И где находится эта хорошо проинформированная особа?

– В Варшаве.

Царь требовательным жестом показал на телефон.

– Прошу немедленно этим заняться.

Рудницкий поднял трубку и заказал разговор с Варшавой. Через минуту он назвал свой адрес и попросил к телефону Анастасию. К счастью, девушка была дома. Алхимик кратко описал ей ситуацию и высказал свои подозрения.

– Сигилы, – заявила она, не задумываясь. – Что-то типа магических печатей, странно, что ты сам об этом не подумал.

– Интересно, откуда я должен был...

– Ты же использовал их в отеле, – бесцеремонно прервала она.

– Во-первых, я не знал, что они так называются, эта идея пришла мне абсолютно случайно, во-вторых, эти знаки видно за километр! Если бы я не разместил их в котельной или в кладовке, немцы сразу поняли бы, в чем дело. И сразу стерли бы их.

– Что ты несешь? Такой тип символов видит только их создатель. А чтобы их уничтожить, нужна первичная материя, так же как и при их нанесении.

– То есть их нельзя стереть, пока не увидишь? – спросил Рудницкий.

– Именно.

– Что это могут быть за символы?

– Без понятия. Кто знает, что в последнее время появилось в библиотеках? Мы не посещали их почти год. К тому же ты прекрасно знаешь, что получение каждого нового символа – это риск. Каждый раз больший, поэтому ты не можешь их выучить сразу. Наконец, существуют и такие, которые появляются на одно мгновение. И только раз.

– То есть теоретически кто-то может в библиотеке узнать знак и быть единственным на свете?

– Конечно. Затем возникает вопрос интерпретации. Значение некоторых символов настолько сложное, что на познание его нужно потратить не один десяток лет. И это удается одному адепту из сотни.

Рудницкий глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки, поскольку ситуация оказалась сложной, если не безнадежной.

– То есть я никаким образом не могу помочь цесаревичу? Поскольку не могу найти эти знаки.

– Почему нет? Я могу ошибаться, но подозреваю, что у них довольно ограниченный диапазон. Несколько, максимум чуть больше десятка метров. Это зависит от силы адепта, который их создал, а я не слышала ни об одном магистре магии, действующем в Петербурге.

– Возможно, он маскируется?

– Сомневаюсь. Скорее всего, это какой-то слабак, который, правда, прошел инициацию в библиотеке. Возможно, даже получил указания от более сильного мага, благодаря чему и смог создать сгилы, но это пик его возможностей. Помни, что это должна быть особа из близкого окружения царя, постоянно находящаяся при дворе. Кто-то, у кого нет времени ни на копание в анклав, ни на магическую тренировку.

– Проблема в том, что мало кто верит в мою теорию...

– Я знаю один ритуал, который точно позволит тебе найти и уничтожить символы, но мне нужно к тебе приехать.

– Но ты говорила, что их никто, кроме создателя, не может видеть.

– Потому что это так! Однако ты – это совсем другое. Твой глаз был заражен кровью Проклятого, благодаря этому ты видишь больше, чем другие. Забыл? Я могу сделать его еще более восприимчивым. На какое-то время.

– Я не знаю, смогу ли получить для тебя приглашение...

– А это уже не моя проблема, – холодно ответила Анастасия.

Рудницкий коротко попрощался с девушкой и положил трубку.

– Ваше Величество, я бы хотел...

– Кто эта особа, с которой вы разговаривали? – резко спросил царь.

Выражение лица монарха не нуждалось в переводчике, и так было понятно, о чем идет речь.

– Это моя... кухня.

– Вы действительно являетесь кровным родственником княгини Самариной?

Рудницкий беспомощно вздохнул: сплетни, распушенные Марией Павловной, охватывали все более широкие круги.

– Сомневаюсь, – искренне признал он. – Хотя нас связывают определенные отношения. Княгиня знала моего отца, поэтому воспринимает меня как кого-то близкого, – добавил он. – Сходство наших гербов привело к тому, что сначала генерал Самарин, а потом и Мария Павловна решили представить меня как кровного родственника.

– А ваша кухня?

– Я не хотел бы продолжать эту тему.

– Однако вам придется продолжить, – возразил царь. – Я не позволю, чтобы рядом с моим сыном находился кто-то, кого я не знаю.

Алхимик неохотно кивнул – в конце концов, он сам настаивал на осторожности.

– Ее кровное родство со мной такое же фальшивое, как и мое с семьей Самариных, – сказал он через минуту. – Я нашел ее, раненую, в анклав, когда мы искали уцелевших из группы, которая ушла туда с советником Брагимовым. Оказалось, что она хороший маг, несколько раз спасала мне жизнь. Как и генералу Самарину. Поэтому она относится к нам как к семье. Поскольку она потеряла память, я позволил ей использовать мою фамилию, а имя она выбрала сама. Анастасия, – добавил он, видя вопросительный взгляд царя. – Мария Павловна придумала отчество: Александровна.

– Из того, что я слышал, все, кто был с советником в анклав, не принадлежали к высшим кругам.

– Да, – холодно признал Рудницкий. – Но Анастасия не имела с ними ничего общего.

– Тем не менее мне сложно поверить в то, что кто-то такой получил одобрение Марии Павловны.

– Мне тоже, – рассмеялся алхимик. – Однако...

– Сын Вашего Величества чувствует себя лучше, – доложил Самарин, стоящий на пороге.

– Слава Богу!

– Как опухоль? – взволнованно спросил Рудницкий.

– Уменьшается на глазах. Гуэрини сделал цесаревичу укол, натер колено какой-то мазью. Алексей утверждает, что не чувствует боли.

– Все равно нужно что-то делать с этими сигилами, – заметил Рудницкий. – Кто знает, может, удастся идентифицировать особу, ответственную за все это?

– Генерал, прошу организовать приезд... кузины, – сказал царь.

– Ваше Величество имеет в виду...

– Анастасию Александровну, – перебил его царь. – И как можно быстрее.

– С позволения Вашего Величества, я не думаю, что это хорошая идея, – запротестовал Самарин. Офицер побледнел, его лоб в одно мгновение покрылся потом.

– Я правильно вас понял? Вы подвергаете сомнению добрые намерения барышни Рудницкой?

– Не столько добрые намерения, сколько преданность Вашему Величеству. Анастасия не чувствует лояльности к империи.

– Как и господин Рудницкий, но он помог моему сыну. Вы же не подозреваете его в злых намерениях?

– Нет, – процедил Самарин.

– В таком случае выполняйте приказ.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

* * *

Варшавский вокзал окутал белый, как молоко, туман. Современной формы здание с огромными стеклянными окнами медленно появлялось из дымки, словно пловец, выходящий из моря. Единственное, что было хорошо видно, – это башню с часами, на верхушке которой развевался российский флаг. Постепенно гул моторов – к вокзалу подъезжали три автомобиля – заглушал крики носильщиков, свистки паровозов и гомон толпы.

– Очередной транспорт с ранеными, – сухо пояснил Самарин. – Обычно тут не так многолюдно.

Рудницкий кивнул и нервным жестом проверил кожаный пояс со специальными кармашками. В самом большом была спрятана бутылка с гомункулусом.

– Поезд Анастасии должен приехать через пять минут, – нейтральным тоном бросил офицер.

Алхимик кивнул, но не стал вступать в дискуссию: накануне они спорили до поздней ночи. Рудницкий не винил Самарина – приезд Анастасии был кошмаром для охраны дворца: в окружении царя появится один из Проклятых... Тот факт, что генерал не мог никому раскрыть личность «кузины», еще больше угнетал его.

Водитель остановился возле входа, и через минуту подошла группа солдат под командованием Матушкина. Все были одеты в полевые мундиры, без каких-либо признаков принадлежности к Конвою.

– Надеюсь, эта авантюра закончится хорошо, – вздохнул Самарин.

– У нас нет выхода, – напомнил Рудницкий. – Без Анастасии мы не найдем того, кто хочет навредить наследнику престола.

Офицер неоднозначным жестом попросил водителя выйти из машины и полез в карман.

– Даже если и так, это напоминает изгнание демона Сатаной, – сказал он тихо. – Хочешь? – спросил он, протягивая сигареты.

– Нет, спасибо. Тебе правда не о чем беспокоиться, Анастасия нас не предаст.

– И почему же? Любит? – с горечью спросил Самарин, закуривая сигарету. – Ты такой эксперт в области чувств *theokatáratos*?

– Она присягнула мне на верность.

– Как это понимать?

– Дословно. Ты действительно думаешь, что я бы выпустил на свободу кого-то из Проклятых, не будучи уверенным, что она не перережет мне горло при первой же возможности? А *theokatáratos* не могут нарушить добровольно данной клятвы. Они не могут. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Это часть их природы.

– Почему ты мне раньше об этом не говорил? В Варшаве?

– Я не хотел, чтобы ты задавался вопросом, что можешь получить от нее, надавив на меня. И еще одно: ни слова об этом. Никому. Даже царю!

Генерал задумчиво посмотрел на друга и наконец кивнул.

– Ладно. Условно.

– Не понимаю...

– Это просто. Если кузина что-то выкинет, я должен буду доложить обо всем своему начальству, а потом пустить себе пулю в лоб. И это не метафора, – опередил он вопрос алхимика. – Скрытие такой важной информации не сочетается с честью офицера.

– Мы не разочаруем тебя, – заверил Рудницкий. – Я... – Он замолчал, видя приближающихся солдат. Один из них открыл двери перед Анастасией.

Девушка, как обычно в черном и серебряном, поприветствовала Самарина сестринским поцелуем, после чего обняла и алхимика. Рудницкий заметил, что все россияне воспринимают ее с особой любезностью. «Наверно, Матушкин успел нашептать им, а возможно, они просто считают ее родственницей генерала», – подумал он.

– Поехали! – приказал Самарин. – Как приедем во дворец, я провожу тебя в твои апартаменты, чтобы ты могла освежиться, а потом...

– Я обойдусь и без того, чтобы освежиться, – бесцеремонно прервала его Анастасия. – Нельзя терять ни минуты, иначе они узнают о моем приезде и решат уладить дело другим способом.

– Откуда они могут тебя знать? Ты никогда не участвовала в дворцовых интригах.

– А если это что-то большее? Например, заговор наших друзей из *Amici Mortis*? Рискнешь жизнью цесаревича?

Минуту Самарин выглядел как оглушенный.

– *Amici Mortis*? – пробормотал он. – В близком окружении царя? Невозможно!

– Как скажешь. – Девушка пожала плечами. – Ты, конечно же, лучше знаешь, что происходит при дворе императора всея Руси, – добавила она с легкой, почти незаметной иронией.

На щеках офицера заиграли желваки, правая ладонь опустилась на кобуру.
– Быстрой! – приказал он водителю. – Поддай газу!

* * *

Анастасия легко коснулась лба алхимика и произнесла три странно звучащих слога. И... о диво, Рудницкий запомнил их без труда. Он ощутил прилив жара к лицу, и с ударом сердца пришла волна боли. У него было такое впечатление, что он чувствует вонь сгоревшего мяса, а в глазницу вкручивается раскаленное докрасна стальное сверло. Все вокруг закружилось, зрение взорвалось цветами за пределами человеческого восприятия и понимания. Он вскрикнул от боли и зашатался, закрыв глаза. Чьи-то сильные руки схватили его и помогли удержать равновесие. Самарин...

– Все в порядке? Олаф? Олаф?!

– Уже лучше, – прошептал алхимик дрожащим голосом.

– Открой глаза! – приказала Анастасия. – Наихудшее уже позади.

– Почему ты не сказала, что будет так больно?!

– А что бы это изменило? Я же тебя не обманула и не говорила, что ритуал приятный. Ну давай. Это ненадолго.

Рудницкий открыл глаза: комната цесаревича была полна странных форм и цветов, для которых он не находил названия ни на одном из известных ему языков. Постепенно из хаоса появились раздражающие узоры и знаки, через определенное время над ними доминировал след мрака. Что-то, что из-за отсутствия описания можно было бы назвать чернотой, загрязняло пол, стены и столик с лекарствами, окружало место, где стояла кровать цесаревича.

– Что это за чертовщина? – бубнил он, вставая на колени.

Дрожащее пятно мрака вызывало у него тошноту, уши раздражал сухой шелест, напоминающий трение покрытых чешуйками змеиных колец.

– Дайте первичную материю!

Рудницкий взял щепотку мелкого порошка и насыпал в центр вызывающего отвращение пятна. Шелест немедленно прекратился, сменившись звуком ломающегося льда. Чернота исчезла, открыв странную паутину узора в оттенках засохшей крови.

– Я вижу его! – с напряжением сказал алхимик. – Что теперь?

– Ты должен его уничтожить, – спокойно произнесла Анастасия.

– Как?!

– Обычно процедура идентична, как при создании сигил: достаточно размешать в воде первичную материю и использовать раствор как краску. Ты должен нарушить симметрию узора. Это все.

Рудницкий сунул палец в наскоро подсунутую мисочку с темной, переливчатой жидкостью и медленно, старательно зарисовал символ. Тошнота отступила.

– Все, – сказал он.

– Теперь осталось последовать по следу человека, создавшего печать. Я не знаю, как ты его увидишь, но ты должен справиться и определить, откуда он пришел. Только поспеши, у нас мало времени!

Алхимик буркнул, соглашаясь: полоска мрака пометила дорогие ковры, словно черным орнаментом.

– Идемте! – закричал он, поднялся с колен и выбежал из комнаты.

След вел на лестницу на следующий этаж. По пути они прошли два поста, но солдаты расступались без слов, подгоняемые резким приказом Самарина. Рудницкий свернул за поворот коридора, когда его ослепила вспышка света.

– Вот и все! – процедил он, потирая глаза. – Черт! Ничего не вижу.

– Через минуту все придет в норму, – успокоила его девушка. – Хуже, что мы не узнали, где заканчивается след.

– Не так уж и плохо, – ответил не своим голосом генерал. – В этом крыле находятся только две комнаты, остальные помещения – для прислуги. Но ни один слуга не имеет свободного доступа к цесаревичу.

Рудницкий потянулся за платочком, чтобы вытереть слезящиеся глаза, и выругался, когда заметил кровавые пятна на белой ткани.

– Что это значит? – простонал он. – Эта кровь?

– Ничего страшного, – сказала Анастасия. – Иногда так бывает, ваш организм не приспособлен к использованию магии.

– Я так понимаю, что теперь у меня будет гемолакрия?

– Нет, конечно, думаю, что это пройдет.

– Огромное спасибо! Я...

– Может, вернемся к проблеме? – напряженно предложил Самарин. – Двери с левой стороны ведут в комнаты доктора Гуэрини, с правой – в апартаменты фон Шварца. А теперь решите, кто из них мог создать этот сигил в комнате Алексея.

– Откуда мне знать? – возмутился Рудницкий. – Я не детектив!

– Пойми, Олаф, я могу потребовать разговора с царем в любое время, но, если окажется, что я обвиню невиновного, второго шанса не будет. Изгонят меня и тебя вместе со мной, и кто тогда побеспокоится о цесаревиче? Думай! – настаивал генерал.

– Больше всего времени с ребенком проводит Гуэрини, – сказал алхимик, колеблясь. – С другой стороны, из того, что я заметил, он трус, избегает всяких конфронтаций, как только может. Разве что он притворяется...

– Фон Шварц – доверенный императора с незапамятных времен, разве он мог бы повернуть против наследника престола? Бред!

– Может, отложим в сторону вопросы морали? – вмешалась Анастасия. – Лучше поговорим, кто из них мог бы сделать что-то такое? Поскольку виновник должен быть адептом.

– Ну да, – согласился офицер. – Я как-то не вижу в этой роли фон Шварца. Тем временем Гуэрини как медик точно интересовался магией и алхимией хотя бы из-за своей профессии.

– Вроде бы да, – признал Рудницкий. – Правда, у меня сложилось впечатление, что наш дорогой доктор не имеет ни малейшего понятия ни о магии, ни об алхимии, но, возможно, он умышленно демонстрировал незнание в этой области.

– Ясно. Сейчас позову...

– Подожди, – воскликнул Рудницкий. – Визитка!

– О чем ты бредишь? Какая, к чертям, визитка?! У нас нет времени, я должен немедленно доложить Его Величеству! Гуэрини сейчас рядом с цесаревичем!

– Ты дал фон Шварцу свою визитную карточку? – догадалась девушка. – И что? Он не отреагировал?

– Ну да! Никакой тошноты или головокружения. Это он – адепт!

– Может, объясните мне, в чем дело? – процедил сквозь зубы Самарин.

Алхимик молча протянул ему свою визитку.

– Посмотри на нее, – посоветовала Анастасия.

– Ну смотрю! – рявкнул офицер. – Какие-то вращающиеся узоры. При чем тут фон Шварц?

– Это иллюзия, усиленная кровью Олафа, – пояснила девушка. – Ты ничего не ощутил, потому что являешься адептом, но на нормального человека она действует как удар молота. Достаточно секунды, чтобы он ощутил головокружение, а более чувствительные могут потерять сознание.

– Ну да!

– Позови какого-нибудь солдата.

Самарин со злостью посмотрел на нее, но кивнул стоящему невдалеке охраннику.

– Солдат, ко мне!

Солдат подбежал.

– Слушаю, Ваше превосходительство!

– Посмотри на это, – приказал Самарин, протягивая ему визитку.

Широкоплечий мужчина в мундире Конвоя послушно взял в руки визитку и сразу же бросил ее. Его лицо приобрело оттенок свежесмытой стены; если бы не помощь алхимика, он рухнул бы на пол.

– Теперь ты нам веришь? – спросила Анастасия.

– Черт вас подери! За мной!

Они побежали по ступеням, по дороге к ним присоединялись другие солдаты Конвоя. Самарин первый добежал до комнаты Рудницкого и со злостью выругался: кровать цесаревича была пустой.

– Наверное, Гуэрини забрал мальчика на прогулку, – сказал алхимик, тяжело дыша. – С тех пор как Алексею полегчало, он бредил прогулками в парке.

– Бурманов! – закричал генерал. – Лети за нашими, а потом в парк! И позвони в казармы!

Высокий сержант с усами и бородой а-ля Скобелев кивнул, после чего побежал к выходу. В дверях он столкнулся с Гуэрини. Самарин подскочил как тигр к доктору и затрусил его, как терьер крысу.

– Где наследник престола?!

– На прогулке, – перепуганно простонал медик. – С графом фон Шварцем. В последний раз я видел их рядом с фонтаном.

Генерал оттолкнул итальянца и выбежал в коридор.

– Может, успеем, – бормотал он. – Через пять минут тут будет взвод, а через пятнадцать – рота. Только бы успеть...

Самарин потянулся за револьвером, а злое ляг стали сказал о том, что и солдаты готовятся к битве. Рудницкий достал бутылку с гомункулузом.

– Там! – закричал Самарин.

Фон Шварц разговаривал с работниками, трудящимися возле фонтана, цесаревич стоял в нескольких метрах дальше, размахивая палкой как саблей.

– В линию! – скомандовал офицер. – Алекс, ко мне!

Мальчик удивленно посмотрел на него, но через миг бросил свое импровизированное оружие и быстрым шагом направился в сторону солдат. Фон Шварц оглянулся и сделал движение, словно хотел его задержать.

– Огонь! – выкрикнул Самарин.

Аристократ отступил, перепуганный залпом, а потом быстро отпрыгнул за фонтан.

– Что происходит? – спросил цесаревич. – Почему вы стреляли? Господин генерал?

– Это такая игра, – объяснила Анастасия. – Ты любишь играть в войну?

До того как мальчик успел ответить, из дворца выбежала группа вооруженных мужчин, отрезая им путь к отступлению, а в руках работников возле фонтана появились карабины. Рудницкий, не задумываясь, швырнул тонкостенную бутылку в дерево.

– Убей! – процедил он сквозь стиснутые зубы.

В этот раз медленной трансформации не было, гомункулус сразу появился в виде страшного малолетнего ребенка. Один из солдат прицелился в него, но Самарин взмахом руки приказал ему опустить оружие.

– Это свой! Не стрелять! – приказал он.

Алхимик потянул цесаревича на землю, солдаты окружили их, закрывая своими телами. Какое-то время Рудницкий надеялся, что гомункулус сам справится, поскольку часть врагов

убежали, а другие разбежались в разные стороны, хаотично паля, однако это продолжалось недолго. Неожиданно гомункулуса окружило пламя, а заговорщики пошли в атаку по приказу фон Шварца.

– Примкнуть штыки! – приказал Самарин.

Все закрутилось, заговорщики в мгновение ока перемешались с солдатами. Лысый парень с лицом, покрытым шрамами от ожогов, прицелился в цесаревича, но в то же мгновение упал на траву с разорванным плечом.

– Олаф! Бери ребенка и беги! – с отчаянием закричал Самарин.

Алхимик поднялся с земли и нырнул в толпу воюющих, потянув цесаревича за собой. Кто-то схватил его за руку, пытаясь остановить. Рудницкий ответил пинком в промежность, потом изо всех сил ударил ребром руки по шее. Не привыкший убивать, он потратил секунду, не больше, глядя в затухающие глаза, но и этого хватило, чтобы дорогу ему перегородило несколько противников.

– Т'ЦХАААНГ!

Слово силы прогремело как гром, Рудницкий ощутил во рту вкус крови. Ударом кулака он раздробил гортань верзилы в виднеющейся из-под рабочего комбинезона тельняшке, двух других он раскидал, как кегли, чтобы в один миг оказаться перед винтовкой, нацеленной ему в грудь. Держащий оружие мужчина был одет, как доверенный царя, но, хотя он и создавал впечатление придворного, было видно, что он хорошо умел обращаться с оружием.

– Это конец, господин Рудницкий, – с удовольствием заявил фон Шварц. – Сейчас мой друг закончит...

Алхимик не заметил, как возле него появилась Анастасия. Как и его противник. Ее путь был отмечен трупами и сухим хрустом ломающихся костей. Аристократ резко замолчал, глядя на кровь, что окрашивала его безукоризненно белую рубашку. Прежде чем упасть, девушка повернулась к его другу и таким же быстрым, почти незаметным движением избавила его от оружия.

– Чего ты ждешь?! – закричала она. – Убег...

В руке незнакомца внезапно появился клинок, и черное платье Анастасии еще больше потемнело.

– Беги! Я займусь им, – поторапливала она, скидывая с ног туфельки.

Алхимик побежал в сторону ближайших зарослей, чтобы как можно быстрее скрыться с глаз преследователей. К счастью, перепуганный резней цесаревич без возражения и сопротивления выполнял все приказания.

– Там лабиринт, – сказал Алексей, хватая ртом воздух. – Можем там спрятаться.

Лицо мальчика было в поту. Не вызвало сомнений, что он был на пределе своих сил.

– Ты знаешь этот лабиринт?

– Да, часто играл там с сестрами.

– Идем, – решил Рудницкий.

– Что с нами будет? – тихо спросил Алексей. – Плохие люди нас убьют?

– Ни за что! Солдаты придут нам на помощь. Генерал Самарин послал за ними. Нам надо только на время спрятаться.

Лабиринт не казался большим, но стены из подстриженных кустов были в рост человека. Рудницкий довольно хмыкнул, видя заросли спутанных ветвей за спиной: продраться сквозь этот растительный барьер без применения специальных инструментов было невозможно.

– Это грабы, – проинформировал цесаревич. – Они больше всего подходят для лабиринтов.

Мальчик дрожал, но старался не показывать страха.

– Ты очень смелый, – серьезно сказал алхимик. – Император будет гордиться тобой. А сейчас веди. Мы должны отдалиться от входа, позднее...

– С другой стороны лабиринта есть каретный сарай, – прервал его Алексей.

– Чудесно! Я подсажу тебя, и ты перелезешь на другую сторону. Там должны быть какие-нибудь люди, а может, и охранники.

– Я не сделаю этого!

– Стены довольно высокие, – признал Рудницкий. – Метра два, то есть три аршина, но...

– Не в этом дело, – снова перебил его цесаревич. – Я наследник престола! Я не буду убегать как крыса!

Алхимик стиснул зубы: было видно, что ребенку стало стыдно от того, что он убежал, и теперь он сделает все, чтобы заслужить одобрение отца. Ну и ничего удивительного, все знали, что царь не балует своих детей: княжны жили в комнатах без специальных удобств и начинали день с умывания холодной водой, а Алексей часто отказывался от блюд, приготовленных для царской семьи, в пользу обычного солдатского пайка, который приносил ему из казармы адъютант. Это все, конечно же, к нескрываемому удовлетворению царя.

– Кто я? – спросил Рудницкий, положив руку на плечо цесаревича.

– Мой доктор, – удивленно ответил Алексей.

– По чьему приказу?

– Папы.

– И что это означает?

– Я не понимаю...

– Император доверил мне твое здоровье и жизнь, что означает: ты обязан выполнять все мои распоряжения, иначе ты противишься не моей, а его воле. Поэтому ты не будешь со мной спорить, а просто выполнишь приказ. Без колебаний и споров, как солдат команды офицера! Это понятно?

Минуту поразмыслив, мальчик кивнул, принимая аргументы алхимика.

– Я жду ответа, – холодно произнес Рудницкий.

– Я буду вас слушаться, Олаф...

– Арнольдович.

– Я буду вас слушаться, Олаф Арнольдович, – повторил цесаревич.

– А сейчас идем! Самое время выбраться из лабиринта. Я уверен, что Конвой остановил нападающих.

– Это была засада, да? Они хотели меня убить?

– Сложно сказать, – уклончиво ответил Рудницкий. – Сейчас самое важное – твоя безопасность, для выяснений время придет.

– Кем была та женщина, которая убила графа фон Шварца?

– Это моя... кузина.

– В таком случае и генерала Самарина? Когда мы вчера играли в шахматы, граф Самарин сказал мне, что вы родственники. Как это возможно, ведь вы – поляк?

– Это долгая и запутанная история.

– Вы расскажете мне ее?

– В другой раз.

Они добрались до центра лабиринта и вышли на небольшую полянку, окруженную высокими зелеными стенами. Она была испещрена тропинками, разбегающимися в разные стороны.

– Куда теперь?

– Влево. За поворотом... – цесаревич замолчал, заметив выходящих оттуда вооруженных людей.

– Как подам тебе знак, побежишь назад, – тихо сказал Рудницкий. – Попробуй найти генерала Самарина или кого-то из солдат Конвоя.

– Живым! – приказал невысокий, шуплый мужчина с золотым амулетом на шее.

– Сейчас! – закричал алхимик.

Рудницкий отклонился от удара кулаком с кастетом и ударил противника головой в лицо. Молниеносно потянулся к поясу, достал флакон с первичной материей, однако до того как смог сделать что-то еще, точный удар в запястье выбил у него флакончик из рук, и тот затерялся в траве.

– Живым! – повторил незнакомец.

Алхимик яростно завыл; кто-то подсек его ноги и обездвижил с помощью болезненного захвата.

– Т'ЦХАААНГ!

– Засуньте ему кляп!

Нападающие повалили его на землю, вжав лицо в траву. Рудницкий резким движением повернул голову и, сам не зная зачем, выкрикнул:

– ДАШ'ДАНХАР!

Неожиданно у него закружилась голова, изо рта брызнула черная кровь. Он почувствовал, как стальные когти рвут его внутренности, причиняя боль, которую он никогда в жизни не чувствовал. Где-то вдалеке звучал пронзительный, нечеловеческий вой, очередной спазм лишил Рудницкого сознания, и он погрузился в мягкую, уютную темноту.

Глава III

В этот раз никто не анонсировал появление царя. Николай II, самодержец всея Руси, вошел в кабинет как обычный смертный. Но и ситуация была не из нормальных: недавнее нападение на наследника престола и предательство фон Шварца показали, что даже в ближайшем окружении императора есть враги.

Заметив монарха, Самарин сорвался с кресла, начальник охраны, генерал Глобачёв, встал на долю секунду позже.

– Садитесь, господа, – нетерпеливо кинул царь. – Нет времени на церемонию. Генерал Глобачёв, докладывайте!

Щуплый офицер с худым, украшенным усами лицом сглотнул слюну и нервным жестом поправил ворот парадного жандармского мундира.

– Мы идентифицировали несколько убитых заговорщиков, – сказал он. – Все были... членами большевистской партии.

– Почему охрана не предупредила меня об угрозе? Ведь вы недавно заверяли меня, что у вас есть агент в непосредственном окружении Ленина!

– К сожалению, Ваше Величество, я должен признаться, что моя агентура ничего не знала о заговоре. Я... кажется, что Ленин не имеет к этому отношения.

– Как это понимать?! Я выражаю крайнее – слышите? – крайнее недовольство вашей работой! Если бы не Конвой и господин Рудницкий, моего сына безжалостно убили бы!

Самарин беспокожно заерзал, видя умоляющий взгляд жандарма.

– Граф? – отозвался царь совсем другим тоном.

– Ваше Величество, Вы помните убийство генерала Скалона?

– Естественно.

– Убийцы когда-то принадлежали к ПСП⁵, но, как оказалось в ходе следствия, они создали собственную фракцию, которая отвергла существующих лидеров. Подозреваю, что тут что-то подобное. Слежка за лидерами партии большевиков ничего не дала и не могла ничего дать – такая атака не в их стиле. Они скорее стремились бы к вооруженному восстанию. А тут какой-то отщепенец.

– Даже если и так, охрана должна знать, что происходит среди врагов государства!

– Виноват, Ваше Величество! – отчеканил Глобачёв, замерев по стойке смирно.

– Ой, сядьте уже! Что с задержанными?

– Допрос продолжается, но из того, что нам удалось узнать, это рядовые члены партии или обычные наемники. Мало что знают о планах начальства, просто выполняют приказы. За деньги или...

– Ну?

– Двое утверждают, что были исцелены. У одного была запущенная форма туберкулеза, а у второго – сифилис. Но это, конечно, может быть бредом...

– Ни в коем случае! – вмешался Самарин. – У этих людей есть такие возможности. К сожалению, это увеличивает угрозу до неведомого раньше уровня. Потому что легче отказаться от денег, чем от исцеления от неизлечимой болезни! И если бы только это! Кто не сделал бы все что угодно для больной жены или ребенка? В ситуации, когда помочь может только чудо?

– Как мы можем этому противостоять?

– Нужен новый подход, – заявил Самарин. – Полиция и охрана должны заняться не только недовольными нынешним положением вещей политиками, а скорее магами и алхимиками.

⁵ ПСП – Польская социалистическая партия.

Поскольку без них никому не удалась бы такая атака, как вчера. Ну и нужно проверить дворцовый персонал, в этот раз на предмет возможной уязвимости к влиянию бунтовщиков. Не только деньги или политические идеи, но также обещания исцеления или других магических манипуляций.

– То есть? – нахмурил брови жандарм.

– А я знаю?! Ликвидация морщин у женщин? Коррекция фигуры? Возможностей масса.

– Ладно, – сказал царь. – Охрана немедленно займется этим, как только закончим совещание. Вернемся к проблеме: что с лидерами заговора? Фон Шварц и барон Куракин мертвы, об этом позаботилась... родственница генерала Самарина, но это ведь не все. Мой сын вспоминает про какого-то мага, обвешанного золотыми амулетами.

– Слова Его Императорского Высочества подтвердили несколько других свидетелей, в том числе и солдаты Конвоя, – быстро ответил Глобачёв. – К сожалению, небольшой группе заговорщиков удалось выбраться из дворца. Мои люди ведут интенсивные поиски.

– Как я понимаю, до сих пор без результата?

– К сожалению, однако...

– Генерал Самарин, что вы об этом думаете?

Офицер тяжело вздохнул: у него не было желания вступать в конфронтацию с охраной или самим Глобачёвым, но царь не оставил ему выбора.

– Боюсь, что одних поисков недостаточно, – сказал он. – Кто знает, на что способен этот маг? Поэтому я бы предложил проконсультироваться с другим экспертом по магии.

– Прекрасная идея! – с раздражением выкрикнул жандарм. – Есть только одна проблема: кому мы можем доверять?

– Моей кухне.

– Я думал, она тяжело ранена, – удивленно произнес царь.

– К счастью, раны Анастасии оказались не такими серьезными, как показалось на первый взгляд, – пояснил Самарин. – Сейчас она отдыхает в апартаментах Олафа, но кроме слабости, все нормально, я навестил ее утром.

– Это слишком рискованно! – запротестовал Глобачёв. – Я считаю, что, несмотря на родство с графом Самариним, эта особа должна немедленно оставить дворец. Если бы не она...

– Если бы не она и господин Рудницкий, заговорщики убили бы Алексея! – гневно вмешался царь. – Она, как никто другой, проявила свою лояльность. Я видел ее после битвы: она выглядела, словно искупалась в крови. И это была кровь врагов империи и моей семьи!

– Я...

– Спасибо, господин генерал, продолжайте поиски заговорщиков, – холодно бросил монарх.

Глобачёв поклонился и молча вышел.

– Дорогой граф, не могли бы вы пригласить кухню?

Самарин приоткрыл двери и отдал распоряжение одному из охраняющих кабинет солдату.

– Родство с Анастасией – это скорее вопрос договора, чем реальных кровных уз, – признался генерал. – Моя бабка...

– Господин Рудницкий мне все объяснил, – успокоил его царь с улыбкой. – Другое дело, что, если бы это было правдой, такие родственники составили бы вам честь.

Самарин поблагодарил, но не спешил садиться.

– Какие у вас еще есть грехи на совести, генерал?

– Княгиня решила включить Олафа Рудницкого в завещание, – признался офицер.

– Вы не согласны с решением тетки?

– Ни в коем случае! Наоборот, я с удовольствием посмотрю этот спектакль.

– Не понимаю...

– Господин Рудницкий отказался принять наследство, а я уверен, что тетка сделает все, чтобы его переубедить. Это будет битва титанов. Я только не хотел бы, чтобы до Вашего Величества доходили слухи, что богатство одного из старейших российских родов перейдет к какому-то польскому выскочке.

– Не будет никаких сплетен, – заверил царь. – И я сам с удовольствием посмотрю, кто выиграет. Мария Павловна – женщина с железной волей, но и вашему... кузену не занимать упрямства, – весело добавил он.

– Барышня Рудницкая! – доложил охранник.

Платье Анастасии было цвета летней ночи, единственным светлым элементом были серебряные рюши и белые кружевные манжеты.

– Ваше Величество. – Она поклонилась с невероятной грацией.

– Сударыня...

Царь ответил на поклон и придвинул Анастасии кресло, и это все с выражением полного ошеломления на лице.

«Хорошо, что император уже в возрасте, иначе у монархии появились бы более серьезные проблемы, чем парочка заговорщиков, – язвительно подумал офицер. – Похоже, кузина произвела на него не меньшее впечатление, чем когда-то Кшесинская»⁶.

– Я начинаю понимать Марию Павловну, – пробормотал царь.

Анастасия ответила мимолетной улыбкой, напоминающей вспышку магнея.

– Чем могу быть полезна, Ваше Величество?

– Вы прекрасно говорите на русском.

– Спасибо, Ваше Величество.

– Вы – россиянка?

– *Je ne sais pas, sire*⁷, – ответила девушка.

– У вас парижский акцент, – задумчиво прокомментировал царь. – Да, не думаю, что Мария Павловна ошиблась. Но прежде всего я бы хотел поблагодарить вас за спасение моего сына. Я ваш должник.

– Основную часть битвы приняли на себя солдаты Конвоя и Сашка, – сказала Анастасия, указывая на генерала. – Я только немного помогла.

– Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно.

– А господин Рудницкий?

– Немного слаб, но выживет, – проинформировала она. – Ему необходим отдых.

– Если бы я мог чем-нибудь помочь...

– Я предпочла бы, чтобы его перевели из госпиталя во дворец. Так мне будет проще за ним присматривать.

– Конечно! Я отдам распоряжение. Возвращаясь к вчерашнему нападению, как вы думаете, что сделают заговорщики дальше? В ближайшее время нам грозит новое нападение?

– Думаю, нет.

– Можешь объяснить? – попросил Самарин.

– Среди нападающих было двое, скорее трое адептов. А сейчас...

– Откуда такие данные? – быстро спросил офицер. – Охрана была не в состоянии определить статус фон Шварца.

⁶ Матильда Феликсовна Кшесинская – прима-балерина Мариинского театра, известна своими отношениями с членами императорской семьи.

⁷ *Je ne sais pas, sire* (*фр.*) – Не знаю, сир.

– То, что он был адептом, не вызывает ни малейшего сомнения, – заверила она. – Его реакция на визитную карточку Олафа подтверждает этот факт полностью. Возможно, стоит показать ее еще нескольким особам?

– Что за визитная карточка? – спросил царь.

Самарин стал быстро объяснять.

– Она и правда так действует на всех, кроме адептов? – отозвался царь с сомнением в голосе. – Я бы хотел на нее посмотреть.

– Исключено! Мы не можем подвергать опасности Ваше Величество, – решительно сказала Анастасия, смягчая тон улыбкой. – Только с согласия Олафа и в его присутствии. Я – маг, но не лекарь, – добавила она. – Я бы не знала, что делать, в случае каких-либо осложнений.

К удивлению офицера, царь быстро согласился, несколько не разгневавшись тем фактом, что женщина, с которой он только что познакомился, указывает ему, что делать.

– Продолжайте, – сказал он.

– Этот друг фон Шварца, барон...

– Куракин, – подсказал царь.

– Именно, Куракин. Я видела, как он заколдовал гибри... использовал магию, – быстро исправилась она. – Это второй адепт. Ну и тот маг, которого Олаф и сын Вашего Величества встретили в лабиринте.

– Маг? Вы уверены? Естественно, Алексей мог что-то не заметить, но, по его словам, магию в лабиринте использовал только господин Рудницкий.

– Конечно. Однако, если бы он не был адептом, погиб бы вместе с остальными. А мы знаем, что он не только выжил, но и убежал из дворца.

– Логично, – признал монарх. – Но что такого сделал Олаф Арнольдович, что несколько десятков заговорщиков за долю секунды превратились в трупы? К тому же лекарь, что осматривал их, утверждал, что на телах нет ни одного признака насильственной смерти. Никаких ожогов, синяков, повреждений внутренних органов, ничего. Словно кто-то просто вырвал из них душу.

– Это знает только Олаф. Меня там не было.

– Но я спрашиваю вас, – сказал царь с заметным холодком в голосе. – И вас, господин генерал. В конце концов, вы семья...

Самарин покраснел под пристальным взглядом царя, а девушка недовольно поджала губы.

– Вы не хотите отвечать на такой простой вопрос?

– Я...

– Мы можем только предположить, – выручила офицера Анастасия. – Олаф, должно быть, использовал слово силы, но я не знаю, какое именно. Ни одно, что он знал до этого времени, не давало такого эффекта.

– А какие он знал?

– Я не могу ответить на этот вопрос, Ваше Величество.

– Вы не знаете ответ или не хотите отвечать?

– Ваше Величество, это вопрос... этики.

– Этики?!

– Да, Ваше Величество, это своего рода этика. Такое доверяют только самым близким, потому что это очень личное, можно сказать, интимное. И речь идет не только о безопасности, поскольку, передавая такую информацию кому-либо, мы отдаем свою жизнь в его руки; проблема еще и в самой природе магии. Слова силы, которые мы знаем, определяют нас в большей степени, чем внешность или социальное положение.

Самарин нахмурил брови, понимая, что все, о чем говорит девушка, правда. Тогда почему Рудницкий, не колеблясь ни секунды, сказал ему, какие слова силы знает? Таким образом он оказал ему доверие?

– Это только приблизительное сравнение, но джентльмен не спросил бы у малознакомой дамы, какого цвета у нее нижнее белье, – продолжила Анастасия, забавно морща носик.

– Конечно, – признал царь с улыбкой. – Я принимаю ваши объяснения. Продолжая тему безопасности...

– Если речь идет о группе, которая атаковала дворец, нам ничто не угрожает, Ваше Величество. Они потеряли много людей и двух адептов, а третий, если еще жив, поскольку Олаф мог его серьезно ранить, сейчас думает только о том, как убежать от охраны и полиции. Ему сейчас не до новых заговоров.

Царь задумчиво кивнул.

– Ладно, – сказал он. – А как сударыня оценивает шансы охраны? Смогут ли они справиться с тем магом?

– Да, если идентифицируют его.

– Генерал?

– Мы работаем над этим, – коротко ответил Самарин.

– В таком случае благодарю, сударыня, за консультацию. Я уже отдал распоряжения выделить вам апартаменты в противоположном крыле.

– С позволения Вашего Величества...

– Да?

– Я не хотела бы создавать проблемы, но, если это возможно, я предпочла бы жить ближе к апартаментам Олафа. Ведь какое-то время за ним нужно присматривать.

– Господин граф?

– Тут рядом покои посла Соединенных Штатов, – быстро ответил офицер.

– Переселите этого ковбоя, – разрешил царь.

* * *

Самарин заплатил кучеру и, махнув рукой, отпустил карету. От Николаевской до Фонтанки было добрых две версты, а до Аничкова моста еще дальше, но офицер решил размять ноги. Тем более что денек был теплым, по-настоящему весенним.

Неспешным шагом он шел по влажной после утреннего дождя улице, время от времени отвечая на салют проходящих мимо солдат или улыбки прогуливающихся дам. Из-за времени суток – приближался полдень – на тротуарах еще не толпились возвращающиеся с фабрик рабочие, а уличные продавцы обходили его, испуганные парадным генеральским мундиром.

Нужно чаще выходить из дома, пришел он к выводу, кланяясь в ответ на полный восхищения взгляд красивой, стройной, как березка, девушки. Может, следует уделить немного внимания нормальной жизни? В конце концов, не одной войной живет человек... Неожиданно ему вспомнилась Анна Островская. Где она? Что делает? Жива ли? Через мгновение он словно ощутил запах ее парфюма, касание руки.

Выходящая из-за угла группа разноцветных, словно цветы, цыганок окружила его, напевая и предлагая погадать. Офицер со снисходительной улыбкой полез в карман и бросил самой старой из них золотые пять рублей.

Седовласая женщина с обветренным, морщинистым лицом нежным жестом взяла его руку.

– Ты недавно вернулся с войны, – нараспев произнесла она на ломаном русском. – Тебе повезет в любви и на войне, а твоя возлюбленная... – Она внезапно замолчала, всматриваясь в

Самарина расширенными от страха глазами. – Не гонись за бестией! – закричала она, возвращая ему монету. – Помни! Не гоняйся за бестией, иначе погибнешь!

До того как он успел отреагировать, цыганки убежали, подгоняемые резкими приказами старшей. Офицер покрутил в пальцах золотую монету, после чего подошел к уличному музыканту и кинул ее на кучу копеек. Ушел, не слушая благодарности. Несмотря на абсурдность ситуации, поскольку он не верил в цыганское гадание, хорошее настроение пропало без следа.

Маршируя вдоль Фонтанки, он старался избавиться от плохого настроения, но ничего не получалось. Не помогла даже стопка водки, купленная в дешевой таверне. Когда он добрался до дома тетки, его все еще окружала мрачная аура. Стоящая возле ворот бедно одетая женщина в молитвенном жесте сложила руки.

– Подайте двадцать рублей, – умоляла она.

Не останавливаясь, офицер одарил ее гневным взглядом и воспользовался старомодным бронзовым молотком.

– Александр Борисович, только двадцать рублей! – повторила она ломающимся голосом.

Самарин проигнорировал склонившегося перед ним дворецкого и повернулся, разозленный наглостью нищенки.

– Александр Борисович? – спросил язвительно он. – И когда это мы познакомились?

– Летом восемьдесят первого, – ответила она.

Офицер внимательней присмотрелся к нищенке. Ей было не больше пятидесяти, хотя круги под глазами и видимая на лице усталость делали ее старше.

– Как тебя зовут?

– Вера Фролова. Не помнишь? Не помните? – исправилась она. – Дочь Агафьи Фроловой.

Самарин замер. Агафья Фролова, тетка Агаша, как он ее называл, была его любимой нянькой. Когда родители погибли в железнодорожной катастрофе, она заменила ему мать. Он смутно помнил ее дочь, старше его на несколько лет, улыбающуюся девочку, с которой он играл все лето, пока его не отправили в школу-интернат.

– Вера, это ты? – воскликнул он, хватая ее за руку.

– Я, – улыбнулась она сквозь слезы.

– Что ты тут делаешь? Почему... – Он замолчал, не зная, как закончить предложение.

– Год назад мама заболела. Рак. Все деньги пошли на лечение, а потом мы продали квартиру. – Она беспомощно пожала плечами. – Вчера она умерла. У меня нет денег на ее похороны.

– Не стой на улице, – пробубнил Самарин. – Заходи, навестишь тетку.

– Я не хотела бы создавать проблемы...

Бесцеремонно он потянул женщину за собой; выполняя работу дворецкого, он забрал у нее немодную шляпку и поношенное пальтишко.

– Завтрак на двоих в малую гостиную, – распорядился он.

Услышав тон его голоса, дворецкий вздрогнул, как от удара плетью, и сразу же поспешил выполнять приказ. Прежде чем они сели за стол, горничная принесла чай и сладости.

– Ешь. Кухарка печет миндальное печенье по рецепту няни, – похвастался генерал. – Я вижу, ты едва держишься на ногах.

– Я хотела одолжить денег на похороны у старых подопечных мамы, – пояснила она, послушно угощаясь.

Самарин рассеянно кивнул: Агафья Фролова была нарасхват среди высших семей, что искали няньку для своих детей.

– И что?

– Вчера была у Степана Шувалова и Пашки Кислицина, но не застала их дома. А сегодня...

– Ну?

– Хотела увидаться с Виктором Новиковым, но его жена выкинула меня из дома, – сказала она, опуская голову.

– Жанна Новикова всегда имела манеры приволжской холопки! – заявила княгиня, заходя в гостиную. – Нет, не вставай! – сказала она. – Где еще ты была, дорогая?

Перепуганная Вера вскочила с кресла и хотела сделать реверанс, словно служанка перед строгим работодателем, однако старушка сердечно обняла ее.

– Добрый день, тетушка, – поздоровался Самарин.

Мария Павловна подставила внуку щеку, но ее лицо выражало недовольство.

– Как ты мог сразу не узнать Верочку?!

Офицер беспомощно вздохнул: похоже, дворецкий описал тетке сцену перед входом.

– Моя вина, – признал он.

– Твоя, твоя, негодник!

– Я верну деньги так быстро, как только смогу, – неуверенно вмешалась Вера.

– Не может быть и речи! – заявил Самарин. – Тетя Агаша работала не за деньги, она действительно меня любила. Позволь мне ответить взаимностью.

– Виктор Новиков не слишком остроумный, но он порядочный человек. И до сего дня вспоминает вашу мать. Он помог бы тебе. Как и каждый из этих негодников, которых воспитывала Агафья, – поддержала внука княгиня.

– Я...

– Садись, – сказал Самарин. – Ты же пешком пришла?

– У меня не было денег на извозчика.

Генерал тихо выругался, а княгиня поджала губы.

– Похоже, мне нужно прочитать сударыне Новиковой небольшую лекцию, – сказала она со злостью. – Уж я научу эту деваху хорошим манерам. А ты не стой столбом! – Она повернулась к офицеру. – Организуй похороны, поминальную службу и сообщи всем.

– *Oui, ma tante!* – сразу же ответил Самарин.

* * *

Четыре вороных коня тянули подводу с гробом, накрытым саваном, следом за ним следовали плакальщицы: в первой шеренге Вера и опирающаяся на руку внука Мария Павловна. Присутствие княгини Волконской привело к тому, что церемония привлекла внимание петербургского общества, тем более что в похоронной процессии принимали участие подопечные Агафьи Фроловой. И конечно же, вместе со своими семьями. Двое адмиралов, шесть генералов, вице-министр, несколько чиновников высокого ранга... Как заметил Самарин, появилась даже Жанна Новикова, хотя ее выражение лица ясно указывало, что она здесь против своей воли. Что ж, положение Марии Павловны в столице давно было устоявшимся и неоспоримым. Одно ее слово – и сударыня Новикова – обычная дворянка! – перестанет быть желанной у элиты Петербурга, а открытые двери закроются перед ее носом раз и навсегда. Высшее общество не прощало нарушения этикета ни при каких обстоятельствах. По крайней мере, того, что люди типа княгини Волконской считали нарушением этикета...

Телега остановилась, и Вера схватила Самарина за руку: возле выкопанной могилы ждали гробовщики. К катафалку подошли серьезные мужчины в черных костюмах – Самарин нанял лучшее похоронное бюро в Петербурге, – и духовники запели «Отче наш». Это был конец земной дороги Агафьи Фроловой.

Офицер ощутил влагу на щеках, словно снова был мальчиком, который расставался со своей любимой няней. Только это прощание было последним...

– Подождите! – закричал он.

Удивленный поп прервал молитву, воцарилась тишина. Самарин осторожно освободил руку из захвата Веры и подошел к катафалку.

– Было время, когда Агафья Константиновна носила нас на руках, а сейчас мы ее понесем!

Первым подошел адмирал Новиков в парадном мундире, с черной лентой на плече, за ним последовали остальные. Они подняли гроб на плечи и двинулись в сторону ямы.

– Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое...

Гробовщики осторожно опустили гроб под суровым взглядом Самарина, комки земли застучали о крышку. Рыдая, Вера снова схватилась за руку офицера.

– Господня земля и наполняющие ее, Вселенная и все живущие в ней, – произнес священник и перекрестился.

Через некоторое время Вере стали выражать соболезнования, а стоящая рядом княгиня Волконская приглашала избранных на поминки; в церемонии принимали участие несколько сотен человек, большинство из которых не знали покойницу и воспринимали похороны как светское мероприятие.

Офицер нахмурил брови, глядя на Жанну Новикову. Было заметно, что жена адмирала хотела бы оказаться как можно дальше отсюда, но он неумолимо тянул ее к Вере.

– Сочувствую и прошу прощения за свое поведение, – прошептала женщина, покорно склонившись.

Новиков не был таким официальным, он молча обнял Веру и замер на несколько секунд, потом вопросительно посмотрел на княгиню.

– Жду тебя через час, – сказала Мария Павловна. – Конечно же, можешь прийти с женой, – добавила она после короткой, но многозначительной паузы.

– Благодарю, – ответил адмирал, после чего обменялся с Самариним коротким рукопожатием. – Нам надо поговорить, – тихо сказал он. – Это важно.

Самарин кивнул, стараясь не выдать удивления. Было не время и не место требовать объяснений. В чем же дело? Правда, несколько лет назад их представили друг другу на каком-то рауте или балу, но их отношения никогда не выходили за рамки поверхностного знакомства. Генерал даже не знал, что Новиков тоже был подопечным Агафьи Константиновны.

* * *

Самарин убедился, что Вера находится под опекой тетки, после чего вышел из-за стола. Княгиня пожелала, чтобы на поминках не подавали алкоголь, но не имела ничего против, чтобы господа после обеда пошли в курильню, где их ожидали сигары и коньяк.

Генерал вежливо пропустил в дверях мужчину в расшитом золотом мундире со знаками действительного статского советника. Тот уверенным шагом мерил курильню, видно, он не в первый раз гостил в доме Марии Павловны. Ну и ничего удивительного: действительный статский советник принадлежал к элите, его титул приравнивался к званию генерал-майора в армии или контр-адмирала на флоте.

В курильне царил гомон, в воздухе носились клубы сигаретного дыма, а расставленные на столиках наполовину опустевшие бутылки говорили о том, что гости не налегали на спиртное. Самарина встретили с удивительной теплотой, хотя он и знал только несколько человек, а половина из гостей были выше его по рангу.

– Ну наконец мы все вместе! – громко сказал Новиков. – Выпьем за упокой души Агафьи Константиновны!

Незнакомый рослый офицер в мундире генерала артиллерии подал Самарину наполненный до краев бокал.

– Держи, Сашка-Милашка!

Самарин поблагодарил. Его горло неожиданно сжалось – давно забытое прозвище напомнило ему беззаботные детские годы.

– За упокой души Агафьи Константиновны! – повторил он вместе с остальными.

– Мы должны создать клуб! – сказал Новиков. – Ведь мы все знакомы.

– Откуда? – удивился Самарин.

– Из рассказов тетки Агафьи, – пояснил адмирал. – Помнишь ее байки? Она придумывала нам прозвища, а позже вплетала в историю наши приключения и шалости. И рассказывала другим детям, чтобы их поразвлечь.

– Конечно! – пробубнил ошарашенно Самарин. – Мне никогда не приходило в голову, что эти рассказы могут быть правдивыми. Больше всего я любил байки, в которых фигурировал Ильюха Два Уха или же со Степанкой-Обезьянкой!

– Ильюха умер, – сказал Новиков. – Погиб десять лет назад на Кавказе.

– А Степанка-Обезьянка?

– Это я, – ответил высокий худой мужчина в элегантном фраке.

Самарин неуверенно откашлялся, узнав шефа одного из департаментов Государственного Совета Шувалова. Однако мужчина совсем не выглядел обиженным на прозвище «обезьянка».

– Это правда, что ты залез на дерево во время бури, привязался к стволу и говорил, что переживешь любой шторм? – недоверчиво спросил Новиков.

– Правда, – признал Шувалов. – Это было как раз после того, как мама прочитала мне на ночь книжку про пиратов. Они вынуждены были вызывать пожарную службу. После я получил хорошую порку и три дня не мог выходить из комнаты. Тетка Агафья украдкой приносила мне сладости, чтобы меня порадовать.

В комнате раздался громкий смех, мужчины начали перекрикивать друг друга, вспоминая детские рассказы няни. Воспользовавшись всеобщим галдежом, Новиков отозвал Самарина, и они уселись в креслах возле камина.

– Слушаю, – сказал нейтральным тоном Самарин.

– Видимо, ты имеешь что-то общее с охраной дворца и последними... событиями, – начал адмирал.

– Ты же знаешь, что я не могу говорить на эту тему.

– Понимаю, но я не хочу вытягивать из тебя никакие секреты, а наоборот, мне нужно знать, по правильному ли адресу я обратился.

– То есть?

– Достаточно будет ответа «да» или «нет».

– Ладно, допустим, что твое предположение более-менее соответствует фактическому положению, – неохотно ответил Самарин. – В чем дело?

– Я слышал, что не все нападавшие на дворец были схвачены, – серьезно сказал Новиков. – Люди сплетничают...

Генерал тяжело вздохнул: информация о том, что охрана все еще преследует заговорщиков, была совершенно секретной. Однако благодаря своему положению Новиков имел доступ к черт знает каким секретам, не говоря уже о донесениях военной разведки. Теоретически все специальные службы должны сотрудничать, однако Самарин понимал, что практика далека от идеала, а отдельные агенты часто между собой конкурируют.

– Ну да, – процедил он. – И что?

– Вчера на Митрофановской произошла стычка. Напали на военно-морской патруль, понимаешь, у нас там свои склады. Преступники скрылись.

– Митрофановская? Это недалеко от Охты?

– Да, почти у речки, – ответил Новиков.

Обеспокоенный генерал наклонился в сторону собеседника. Река Охта с юга и востока граничила с анклавом.

– И что? – нетерпеливо повторил он. – Зачем ты мне это рассказываешь? Ведь патруль должен составить рапорт командиру Балтийским флотом, а он...

– Не будет никакого рапорта, – прервал его Новиков. – Командующим патруля был, а точнее, должен был быть некий Попов. Капитан Попов. Из-за близости анклава патруль в этом районе всегда усилен и им командует офицер.

– И?

– Попов – зять адмирала Вирсаева, командующего Кронштадтской базой. И в тот день, а скорее ночь, капитан праздновал день рождения тестя. Любое расследование сразу же выявит, что его не было на месте. Поэтому Вирсаев не пустит рапорт выше.

Самарин гневно выругался.

– Но это может угрожать безопасности императора и его семьи!

– Потому я тебе об этом и рассказываю, – ответил Новиков, не опуская глаз. – У меня нет власти перепрыгнуть Вирсаева, слишком высокие пороги. Если я сообщу об этом в адмиралтейство, пройдут недели, пока кто-то решит, что с этим делать. А у тебя есть непосредственный доступ к Его Величеству...

Самарин поджал губы, но не стал отрицать, – не было смысла беспокоиться о том факте, что недавно созданная Секретная служба является менее секретной, чем выходило из ее названия. У него были проблемы посерьезней. Нужно было как можно быстрее поговорить с Вирсаевым и его зятем. Если бы информация об инциденте дошла до адмиралтейства, то они проследили бы, чтобы оба виновника воспользовались служебным оружием. Во имя чести флота. А с трупов немного спросишь...

– Спасибо, – сказал он. – Можешь быть уверен, что твоя информация попала туда, куда нужно.

– А что ты думаешь об идее с клубом? – спросил Новиков, меняя тему.

– С каким, к черту... А, ну да, если большинство будет за, то и я присоединюсь, – ответил он, пожимая плечами. – По финансовым вопросам обратитесь к моему управляющему. А сейчас извини, дела.

Воспользовавшись замешательством, Самарин выскользнул из курительни и отправился к телефону. Он должен был срочно связаться с канцелярией императора. Чтобы допросить Попова, не говоря уже о Вирсаеве, нужны были соответствующие полномочия, а принимая во внимание положение второго, их мог предоставить только царь.

* * *

Самарин всматривался в бледное, застывшее в изумлении лицо капитана первого ранга Зальтерса, командира охраны штаба Кронштадтской крепости. Оцепенение офицера не удивляло: он как раз читал приказ, в котором генералу разрешалось арестовать Вирсаева.

– Все ясно? – нетерпеливо спросил Самарин.

– Так точно, Ваше превосходительство! – неуверенно ответил капитан. – Жду приказа!

– Матушкин, пост! – коротко приказал генерал, не обращая внимания на моряка.

Подчиненный кивнул и встал возле телефона, положив руку на кобуру. Лучше, чтобы никто не предупредил адмирала о неожиданном визите.

Самарин поднялся на второй этаж в компании нескольких солдат Конвоя, после чего двинулся по длинному, плохо освещенному, но, к счастью, пустому коридору. Из того, что удалось наспех установить, Вирсаев пользовался уважением у подчиненных. Генерал не хотел стычки с преданными адмиралу матросами.

Он постучал в дверь кабинета и вошел, не ожидая приглашения.

Мужчина с красным, апоплексическим лицом и молочно-белыми бакенбардами сидел за массивным столом, изучая какие-то документы. В бронзовой пепельнице тлела сигара.

– Кто вы? – рявкнул он визитеру. – Что вы тут делаете?

Не ожидая ответа, он поднял трубку телефона.

– Дежурного ко мне! – гневно приказал он.

Самарин молча положил на стол документ, напечатанный в канцелярии императора.

– Прошу ознакомиться, – сухо сказал он. – А дежурный не придет, мои люди контролируют штаб.

Вирсаев окинул его мрачным взглядом, но потянулся за документом.

– Вы из Конвоя?

– Постольку-поскольку. Секретная служба.

Адмирал нервно вздрогнул: деятельность недавно сформированного отдела разведки была окутана тайной, хотя нетрудно было догадаться, что ее интерес не обещал ничего хорошего.

– В чем дело? – враждебно спросил он. – Снова какие-то дворцовые интриги? Месяц назад я отправил в адмиралтейство полный расчет...

– Речь не о расчете, – бесцеремонно прервал его Самарин. – Это дело квартирмейстера. Я не занимаюсь такими глупостями. Почему вы не доложили о нападении на патруль?

– Вы с ума сошли? Такая мелочь...

– Это не мелочь! – Генерал снова прервал его. – Вы слышали о нападении на дворец?

– Конечно, газеты пишут об этом уже несколько дней, но при чем тут это?

– Не все заговорщики были схвачены или убиты, некоторые скрылись, – резко пояснил Самарин. – Если бы не ваша халатность, возможно, мы бы их уже схватили. Поскольку ваши люди встретили их у реки. Если бы патрулем командовал ваш зять, он помешал бы им добраться до анклава. А сейчас террористы, которые пытались убить наследника престола, за пределами нашей досягаемости...

– Правильно обращайтесь к офицеру в ранге адмирала, – холодно заметил Вирсаев, игнорируя обвинения.

– Это не касается подследственных, – отрезал генерал. – Сейчас вы только арестованный, и никто больше.

– Да как вы смеете! Я немедленно сообщу Его Величеству о вашей...

Его прервал стук, и в дверях замер один из солдат Конвоя.

– Приехал, – коротко доложил он.

– Давай его сюда.

– Что все это значит?! – зло закричал Вирсаев, вскакивая из-за стола. – Как вы...

– Это значит, что я тут по приказу Его Величества, – ответил Самарин. – Император лично приказал мне допросить вас. И предупреждая ваш следующий вопрос: ему известны все обстоятельства дела.

Адмирал нащупал руками кресло, словно слепой, и медленно сел. Казалось, что за одно мгновение он стал старше лет на двадцать. Самарин отвел взгляд, стараясь преодолеть сострадание, ведь это конец карьеры героя битвы за Порт-Артур. Позорный конец, поскольку отныне фамилия Вирсаев всегда будет упоминаться вместе с покушением на наследника престола. И проклинаться...

Гвалт в дверях говорил о прибытии еще одного героя скандала. Капитан Попов, тридцатилетний мужчина с водянистыми, бледно-голубыми глазами и самодовольным выражением лица, едва держался на ногах.

– Что такое? – промямлил он. – Михаил Петрович? Что ты делает этот солдафон?

Вирсаев промолчал, и до отупевшего от алкоголя мозга Попова медленно начало доходить, что что-то не так.

- Мы обмывали повышение Гришки, имеем право, – бубнил капитан, трясая головой.
- Криенко, Мартов, приведите его во вменяемое состояние! – приказал Самарин.
- Слушаемся, Ваше превосходительство!

Солдаты схватили Попова под руки и вытащили в коридор. Через минуту прозвучал пронзительный крик. Похоже, подчиненные Самарина не стеснялись в средствах.

Когда Попов снова появился в кабинете, то выглядел почти трезвым, только трясся от холода, а с его мундира стекала вода.

- Я решительно протестую...
- Заткнитесь, капитан! Почему три дня назад вас не было в патруле?

– Как это не было?! – выкрикнул с притворным негодованием Попов. – Михаил Петрович? Скажите ему.

– Они все знают, – лишенным всяких эмоций голосом сказал Вирсаев. – Патруль, которым ты должен был командовать, пропустил террористов, замешанных в нападении на Царское Село. Сейчас заговорщики, скорее всего, сидят в анклаве.

Лицо Попова в одно мгновение стало цвета свежесмытой стены.

– Как это? Как так... – беспомощно бормотал он. – Это твоя вина! – внезапно завопил он. – Твоя!

Вирсаев скривился от отвращения, но не протестовал.

– Не губите невинного! – закричал капитан, падая перед Самариним на колени. – Он же адмирал! Я должен был его слушаться.

– Ведите себя как положено офицеру! – рявкнул Самарин. – Встать!

Попов неуклюже поднялся, с ненавистью глядя на адмирала.

– Я во всем признаюсь! – закричал он. – Я выдам все его злодеяния!

– Молчать! – гаркнул Самарин. – Меня интересует только состав патруля. Я просмотрел журнал, но хочу быть уверен, что там ничего не подделано. Ничего, кроме вашего имени.

– Состав патруля? Я не могу так, с ходу. Не помню...

– Тихонов, Рунге, Вербицкий, Рыбалкин, Куприянов, Миронович, Лейно, Бергман, Абалкин, Баженов, – не задумываясь, перечислил Вирсаев. – Так, как в официальном документе. Я приказал дописать только фамилию зятя. Слово офицера!

Самарин принял заверения легким, едва заметным кивком.

– Что с нами будет? – спросил адмирал.

– Это будет решать Его Величество. Лично.

Вирсаев кивнул, словно ни на что другое не надеялся, по лицу капитана стекали крупные капли пота.

– Это все из-за тебя! – глухо повторил Попов, обращаясь к тестю. – И из-за твоей дочери! Не тяните меня на дно! Я...

– Вы свободны, капитан! – прервал его Самарин. – По крайней мере, сейчас. Поэтому я советую вам привести свои дела в порядок.

Мгновение казалось, что Попов хочет что-то сказать, однако он только стиснул зубы и вышел, хлопнув дверью.

– Вы всегда так пышно справляете дни рождения?

– В моем возрасте? Было несколько членов семьи. Ну и этот... – Адмирал замолчал на полуслове. – Он появился, потому что не хотел идти в патруль, и знал, что я не стану ссориться с ним при дочери. Понимаете, это не впервые. Когда я узнал о нападении на патруль, хотя и знал, что это маловероятно, но я предложил ему признать свою вину, а сам собирался подать в отставку.

– И как отреагировал капитан Попов?

– Рассмеялся мне в лицо. Как моя дочь могла выбрать такого... – Вирсаев в очередной раз не закончил фразу. – Если бы речь шла только обо мне, я не колебался бы ни минуты, но Анюта не пережила бы, если бы я обвинил ее мужа.

– Вы оказались в незавидном положении, однако я вынужден просить вас о помощи. Как офицер офицера. Сейчас самое важное – безопасность императорской семьи, все другое должно отойти на второй план.

Адмирал тяжело вздохнул, но жестом признал правоту Самарина.

– Я могу сбересть вам время, – сказал он. – Я разговаривал с солдатами из патруля. Это хорошие ребята, и они сделали все, что смогли. Прошу, не подумайте, что я пытаюсь оправдаться, но не думаю, что присутствие моего зятя что-либо изменило бы. По крайней мере, в лучшую сторону... – добавил он тише. – Их было пятеро, и патруль действовал согласно установленному порядку. У них были документы, подписанные обер-полицмейстером Петербурга, – сейчас понятно, что они были поддельные, но солдаты не могли этого знать.

Самарин кивнул: не было смысла искать козла отпущения среди простых моряков.

– Патруль их пропустил, и не дошло бы ни до какой стычки, если бы Вербицкий не заметил, что один из них хромал, – продолжил Вирсаев. – Он поляк, самый умный из них. Он слышал о нападении на Царское Село и решил на всякий случай проверить, не хромает ли мужчина из-за какого-то ранения. Когда он закричал, чтобы они остановились, те ответили огнем. Была ночь, рядом несколько заброшенных, полуразвалившихся домов, и эта пятерка смогла там укрыться. Командиром патруля в отсутствие моего зятя был гардемарин Тихонов, он принял решение не преследовать их и вызвать подкрепление. Когда на место прибыло подкрепление, поиски ничего не дали.

– Понимаю, – сухо ответил Самарин.

– Сейчас мы знаем, что это была ошибка, однако тогда у Тихонова были все основания считать, что он принял правильное решение.

– Возможно.

– Никто не думал, что террористы отправятся в анклав, – отозвался встревоженным голосом адмирал. – Окружающие его стены охраняются и днем и ночью. Поэтому я надеялся...

– Они, должно быть, подкупили охранников, – рассеянно ответил генерал. – Ничего нового. Возвращаемся к нашей теме: есть что-то еще, о чем я должен знать?

– Да. У Тихонова прекрасная память. Эйдетическая, или, как ее называет пресса, фотографическая. Он запоминает все, всегда и везде. Это одна из причин, по которой ему прочат блестящую карьеру... Возможно, он будет в состоянии помочь.

Самарин откашлялся, положив ногу на ногу. Минуту назад он сел в кресло, не спрашивая разрешения у Вирсаева: это уже не кабинет адмирала. Сейчас он ощущал стыд, видя, что старый офицер помогает ему изо всех сил.

– Не беспокойтесь о Тихонове и остальных солдатах, я постараюсь, чтобы их не наказали слишком строго, – пообещал он.

Вирсаев кивком поблагодарил, на его лице появилось облегчение.

– Я арестован? – спросил он.

– Нет, – ответил Самарин. – Но я не знаю, какое решение примет Его Величество, поэтому рекомендую Вашему превосходительству уладить все свои дела. И еще одно: прошу, не делайте глупостей.

– Не понимаю...

– Понимаете вы все, понимаете. Насколько я разбираюсь в людях, ваша дочь вот-вот потеряет мужа. Я предполагаю, что капитан Попов в самое скорейшее время подаст на развод. Сейчас знакомство с вами не только не облегчит его продвижение по службе, а наоборот, навредит. Прошу прощения, но ваш зять не похож на человека, который выше ставит семью, а не карьеру...

Адмирал скривился, словно раскусил что-то исключительно неприятное, но не протестовал против умозаключений Самарина.

– И что?

– А то, что ей нужна будет помощь, – серьезно сказал генерал. – А поддержку ей может оказать только живой отец.

Вирсаев не ответил, глядя куда-то вдаль, словно стена не была для его взора преградой. Может, он вспомнил триумфальное приветствие, какое приготовили ему после возвращения с Российско-японской войны? Именно Вирсаев был автором концепции ведения активной минной битвы, что привело к потоплению двух японских линкоров, пытавшихся атаковать Порт-Артур. Но сейчас это не имело никакого значения, каждая минута минувшего триумфа была пронизана горечью последнего поражения. Поражения от жалкого пьяного кретина, в которого по несчастливой случайности влюбилась его дочь. Такова солдатская жизнь...

– Прощайте, Ваше превосходительство, – сказал Самарин, прерывая затянувшееся неловкое молчание.

«Я сделал все, что мог, – подумал он. – Возможно, сейчас Вирсаев задумается, прежде чем вытащит оружие, чтобы найти выход из сложившейся ситуации. Последний выход. А может, и нет».

* * *

Служанка подала горячие, только что вынутые из печи булочки. Самарин одобрительно кашлянул, прислуга тетки, как обычно, была на высоте. Генерал глотнул чай и откусил хрустящую булочку – княгиня не хотела, чтобы ее ждали. Бывало, Мария Павловна пропускала завтрак, однако в этот раз офицер услышал голос Иосифа Андреевича, а где он, там и ее светлость.

– У меня впечатление, что я создаю новый ритуал, – едко произнесла Мария Павловна. – Почти при каждой нашей встрече я спрашиваю: куда ты подевался, негодник?

Княгиня подставила внуку щеку для поцелуя, одновременно оглядывая его критическим взглядом.

– Снова у тебя покрасневшие глаза, – заметила она. – Ты должен больше спать, ты уже не молод.

– Что сделать, это служба, а не гулянка, – ответил уставшим голосом Самарин.

За последние два дня он отдыхал не больше пары часов: расследование было утомительным. К тому же подставил тайную службу, и Глобачёв, наверное, уже пожаловался, если не лично донес царю о вызывающем поведении одного генерала Конвоя...

– Это не объяснение! – гневно фыркнула княгиня. – Доведешь меня когда-нибудь до сердечного приступа!

– Успокойся, – неожиданно защитил его Черский. – Видишь, Сашка едва держится на ногах.

К огромному удивлению Самарина, тетка послушалась поляка без слова возражения. На мгновение за столом воцарилась тишина, прерываемая только стуком столовых приборов.

– Какие у тебя планы на сегодня? – отозвался Черский. – О тебе спрашивала какая-то барышня, – добавил он с легкой, почти незаметной иронией.

– Надя Трубецкая, – уточнила старушка.

– К сожалению, ей придется подождать, меня вызывает император, – нетерпеливо ответил Самарин.

– Я надеюсь, ты не планируешь никакой глупости! Я провела вчера Олафа, он чувствует себя лучше, уже сидеть может, но все еще слаб. Хорошо, что с Анастасией ничего не случилось!

Самарин закатил глаза: княгиня знала о нападении на дворец и раздувалась от гордости, рассказывая подружкам о подвигах своих внуков (непонятно почему, признание Рудницкого

внуком Марии Павловны перестало его раздражать), что не мешало ей отчитывать их, как малых детей. «О чудо, Анастасия не получила нагоняй за неосторожность», – злорадно подумал генерал.

– Я должен быть во дворце через два часа, – сказал он Черскому. – Не знаю, когда вернусь, тем более что... – Он замолчал, не закончив фразы.

– Что «тем более что»? – сразу же спросила княгиня.

– Тайная охрана, – неохотно пояснил Самарин. – Я вырвал из тюрьмы в Москве арестованного, который подлежал их юрисдикции, и уверен, что Глобачёв уже подал жалобу Его Величеству.

– Глобачёв, говоришь? Пусть только узнаю, что этот выскочка доносит на моего внука, – злобным тоном произнесла Мария Волконская. – Уж я ему покажу его место в системе... Как называет ее месье Дарвин?

– Эволюции? – подсказал Черский.

– Скорее я имела в виду очередность клевания. Сначала Олаф, теперь прицепился к Сашке!

– Что с Олафом? – Самарин нахмурил брови.

– Я тебе не рассказывала? Глобачёв протестовал против приезда того, кого он назвал «провинциальным польским алхимиком, связанным с террористами». Написал что-то типа меморандума, выражающего якобы мнение тайной полиции. Ну сейчас Его Величество может оценить, насколько прогнозы этого жандарма были верными, – заметила она с удовлетворением.

– Но даже несмотря на это, царь вызвал Олафа?

– Глобачёв в конце концов отозвал свои возражения, – пояснила Мария Павловна. – После разговора со мной...

Генерал спрятал улыбку, прикрываясь кашлем. «Что бы ни случилось, я буду отомщен, – подумал он. – Глобачёв может быть доверенным лицом императора, но, если он попадетя тетке, его жизнь превратится в одну сплошную полосу невезения. Тем более что в глазах российской аристократии жандарм действительно был выскочкой: его дед получил дворянство. А Мария Павловна в искусстве тонкой манипуляции не имеет себе равных».

– Что ж, я вынужден откланяться. – Он тяжело вздохнул. – До дворца неблизкий путь.

Княгиня жестом приказала ему наклониться и неожиданно погладила его по щеке.

– Не волнуйся, – сказала она. – Если что, я возьму твое ведерко и сравню счет.

Генерал встал на колени и положил голову тетке на колени, словно ему снова было четыре года.

– Знаю, – тихо ответил он.

Однажды в парке к нему прицепился старший мальчик, за которым никто не присматривал. Видя, как хулиган обсыпает ее внука песком, Мария Павловна молча зашла в песочницу и высыпала полное ведерко просто на голову мальчишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.